

A hand holding an orange pencil is drawing a charcoal-style portrait of a woman on a white scroll of paper. The woman has dark hair and is wearing a dark top. The background is a blurred outdoor scene with a person walking on a beach near the ocean.

НАТАЛЬЯ БАКЛИНА

СЕМЬ КАПЕЛЬ СЧАСТЬЯ

Ну что, тихоня, всё же доигралась?

Про любовь в форс-мажорных
обстоятельствах

16+

Наталья Баклина

Семь капель счастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25207598

SelfPub; 2022

Аннотация

Если тебе уже 28 лет, а в личной жизни – сплошные разочарования... Если вся твоя семья – активная и неунывающая бабушка... Если работа на провинциальной коммерческой телестудии – единственная радость, хотя там и платят гроши... То появление богатого бизнесмена-москвича на горизонте – невероятное событие, практически, подарок судьбы. Первая совместная поездка в Египет обещает стать началом новой жизни! Она и становится, но только совсем не той, что представлялась героине. Роман написан в те времена, когда Египет был открыт для русских туристов. Книга вошла в серию "Про любовь и обстоятельства"

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	42
Глава 4	65
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Наталья Баклина

Семь капель счастья

Данный текст является авторской собственностью. Любое публичное использование текста, в том числе и размещение на литпорталах и в социальных сетях, возможно только после согласования с правообладателем.

Все события романа вымышлены, совпадения случайны

Глава 1

– Какой мужик! Нет, ты только погляди, какой мужик! Интересно даже, каким ветром его занесло в нашу дыру!

Режиссёр Оксана смотрела на монитор, крупно показывающий мужское холёное лицо, и только что не облизывалась. Отвлекалась, конечно, от прямой своей работы, но вполне могла себе позволить. Беседу операторы писали двумя камерами, Оксана переключала их по давно отработанному алгоритму: секунд сорок общего плана, потом секунд двадцать – гостя студии крупно, потом – опять общий план. Правда, на Ирэну, которая вела эту беседу в студии, внимания камеры не хватало. Её можно было бы и почаще крупно брать, но крупные планы Ирэны в алгоритм не вписывались. Ну да не беда. Ведущую можно и отдельно снять, какая Ирэне разница, когда кивать и улыбаться. Закончат беседу, быстренько доснимут перебивки, Оксана поколдует с ними в монтажной, и получится у неё вполне приличное интервью минут на пятнадцать. Не работа – курорт! Отчего бы и не поглазеть на мужика, раз уж так понравился. Вполне могла себе позволить.

– Какой взгляд! А как говорит! – позволяла себе Оксана. – Инка, ну ты только глянь!

Инка и глядела, и слушала. Глядела за компанию, а слушала по обязанности: сглупила она, решив писать беседу на

петличку, надо было объёмный микрофон заводить. Но кто же мог предположить, что этот Оксанкин красавец начнёт вещать таким зычным голосом! Тихий вроде был, говорил негромко, а тут вдруг начал такие рыки выдавать – только и успевай звук на пульте зажимать, чтобы помехи не лезли.

– Вы только представьте себе! – выдал гость студии очередную зычную модуляцию, – никакой химии, никаких синтезированных соединений. Никаких добавок, чужеродных женскому организму!

– Да зачем же он так голос форсирует! – поморщилась Инка, быстро микшируя звук.

– Ваш рассказ похож на сказку! – щебетнула по второму звуковому каналу Ирэна, и Инка одобрительно кивнула столбику её звука: всё в пределах нормы, молодец.

– Абсолютно с вами согласен, – собеседник, подстроившись под её щебет, заговорил тише, и теперь Инке пришлось добавлять уровень звука. – Преображение, которое происходит с женщиной поле применения этого комплекса, выглядит поистине сказочным. Но сказки тут никакой нет, всего лишь разработки отечественной... я подчёркиваю – отечественной! – косметологии.

Подчёркивая, гость опять разразился зычной модуляцией, но Инка успела зажать звук на полсекунды раньше. Надо же, приноровилась к его ритму! И теперь будто чувствует, когда этот дядечка собирается мурлыкать вкрадчиво, а когда – гудеть иерихонской трубой.

– Нет, точно, решено, после записи иду с ним общаться! – не унималась Оксана. – Позову его на монтаж интервью. Посидим рядком, поклеим ладком, глядишь, чего и склеится. А, как ты думаешь, есть у меня шанс?

Инка подумала. Оксана, сорокалетняя мать-одиночка, была женщиной миловидной: круглое лицо с ямочками на щеках, тёмные пышные волосы, аккуратно заправленные за маленькие розовые ушки, круглый подбородок немного, совсем слегка, оплывший. Чуть полноватая, и от того мягкая, аппетитная, как булочка, она была славной и очень уютной. Инка даже иногда думала, что такой, наверное, была бы её мама, доживи она до Оксаниных сорока лет – мягкой, домашней уютной. Но мама дожила только до тридцати, и поэтому навсегда осталась в Инкиной памяти молодой весёлой круглолицей хохотушкой.

А вот мужчина, – камера опять давала крупный план, – уютным не был. А был, скорее, обволакивающим: искренне-обещающий взгляд, открытые жесты, доверительные интонации. А если говорить о красоте, то дядька этот, на её взгляд, был скорее не красив, а внушителен, что ли. И породист! – обрадовалась Инка, подобрав определение. Эдакая породистая вальяжность была и в том, как он сидел за столом, как держал красиво седеющую у висков голову, как подпускал эти свои бархатно-раскатистые модуляции, как оглаживал аккуратную профессорскую бородку.

– Ну что, иду на приступ? – опять спросила Оксана, поку-

сывая нижнюю губу.

– Иди, – разрешила Инка, – попробуй. Хотя, если честно, я не вижу, чтобы он был таким уж красавцем...

– А енто потому што молодая ты ишшо и глу-пы-яя! – сказала Оксана старушечьим голосом. – Хотя в твоём возрасте ещё простительно шалеть от красивеньких brutальных «мачиков».

– По себе, что ли, судишь? – фыркнула, не обижаясь, Инка.

– Ага. Я в твои двадцать пять насмерть втрескалась в одного такого мачу. И в результате – вон, Димка мой, лоботряс-оболтус получился. На этом – вся любовь.

– Ладно тебе, Оксан, хороший у тебя Димка получился, красивый мальчик.

– Ага, красавец. Весь в папу. И та же кобелиная натура прорезается. Девчонки, вон, дома телефон нам оборвали, всё Диму просят позвать. Я ему так и говорю: «Димка, если вырастешь похотливым козлом, как твой папаша – прокляну!»

– Не круто ли берёшь, Оксанка, ему же ещё лет мало совсем. Пятнадцать есть?

– Будет в декабре. И ничего не круто, пора уже для профилактики. А то когда девки от него залетать начнут, поздно уже будет спохватываться!

– Стволовые клетки – это поистине революционные технологии двадцать первого века! – добавил громкости Оксанкин красавец. Инка метнулась зажимать звук, а Оксана вер-

нулась мыслями к предмету:

– Ты только посмотри: холёный, уверенный в себе, состоявшийся. Явно умён, ценит зрелую женскую красоту, умеет делать деньги. Какие там мачо! Вот этот – настоящий мужик!

– Оксанка, ну откуда ты знаешь про его деньги и про зрелую красоту? – удивилась Инка. – Ты ведь его за десять минут до записи впервые в жизни увидела!

– Увидела и сразу всё про него поняла, – Оксана внимательно разглядывала лицо в мониторе. – Если человек имеет дело с косметикой, которая стоит три тысячи за комплекс, то и красоту ценит, и зарабатывать умеет. Ты наши расценки знаешь? Он Петьке за съёмку и эфир не меньше трёх штук баксами отвалил.

– А про ум ты откуда узнала?

– Оттуда же. Дурак так говорить и так смотреть не сумеет – видно будет, что индюк-индюком. А этот – сокол!

– Скорее, тетерев: и токует, и токует, – не согласилась Инка, которую уже начал утомлять этот контроль за уровнем звучания непредсказуемого сокола.

– Спасибо вам, Николай Евгеньевич! – словно услышала её Ирэн и улыбнулась в камеру, которую оператор догадливо перевёл на неё. – Думаю, наши телезрительницы получили искреннее удовольствие от беседы с человеком, который умеет не только ценить зрелую женскую красоту, но и делать её неувядающей!

– Вот, что я тебе говорила? – обрадовалась Оксана, как

будто Ирэн добавила аргументов в споре, хотя Инка спорить и не думала.

– Стоп, снято! – крикнула Оксана в микрофон. – Всем спасибо! Мальчики, доснимите Ирэн на крупняках, пожалуйста! А я выйду сейчас.

– Всё Инка, я пошла завязывать отношения! – отключила Оксана микрофон и вышла из аппаратной, отделённой от студии стеклянной стеной. Через неё Инка вскоре и наблюдала беззвучную пантомиму. Вот гость студии целует ручку Ирэн, и та благосклонно розовеет. Вот Оксана что-то втолковывает этому Николаю Евгеньевичу, и он смотрит внимательно, кивает, поднимается с места, оказавшись невысоким, с Оксану ростом. Вот вытаскивает из пиджака что-то, похоже, визитку. Протягивает её Оксане, говорит что-то, и теперь та кивает, поворачивается, идёт. И этот дядька идёт следом.

– Вот, пожалуйста, – гостеприимно распахнула двери аппаратной Оксана, и пантомима тут же превратилась в спектакль. – Здесь мы завтра с одиннадцати будем монтировать сегодняшний материал.

– Очень интересно! – огляделся гость и задержал взгляд на Инке. – Позвольте представиться, Николай Мелихов, разработчик косметической линии «Фемина».

– Да, я знаю, косметика для пожилых, – кивнула Инка. – Я вашу беседу записывала.

– Это Инна, наш звукорежиссёр, – сверкнула на неё глазами Оксана, и в воздухе словно повис её немой вопль «Ну что

ты несёшь!»

– Очень приятно, Инна! – вдруг протянул руку Николай Евгеньевич, и Инка от неожиданности привстала и подала свою. Где-то задворками сознания пронеслись мысли, что мужчине вроде бы невежливо первому подавать руку. И что не менее невежливо игнорировать жест пожилого человека. А он уже пожилой, седой вон, старше её лет на двадцать...

– Очень приятно, – повторил Николай Евгеньевич, пожимая ей пальцы и задерживая их в ладони. – Скажите, Инна, а вы свободны сегодня вечером?

– Что? – оторопела Инка, краем глаза замечая, как вытягивается лицо у Оксаны. Он что, дядечка этот, на свидание её хочет пригласить?

– Вы знаете, нет, не свободна. Мы с бабушкой вечером моем окна, и я буду сильно занята.

– Очень жаль, – бархатно сказал Николай Евгеньевич и опять пожал Инкины пальцы. Та спохватилась и отняла руку. – А я уже начал надеяться, что вы покажете мне ваш чудный город...

– А вы Оксану пригласите, и она вам всё покажет! – окончательно пришла в себя Инка. – А из меня плохой экскурсовод, извините.

И она вышла из-за пульта и быстро ушла из аппаратной. Вот ещё! Надеется он!

Запись беседы с этим косметологом-производителем была последним делом на сегодня, и Инка с чистой совестью

засобиралась домой. Впрочем, чистота эта слегка замутнилась: неожиданные заигрывания предмета Оксаниного интереса на глазах у самой Оксаны оставили лёгкий привкус вины. «Вот ещё! – фыркнула Инка, поймав себя на этом привкусе. – Я что, заигрывала с этим Николаем Евгентевичем? Или повод ему давала? Он сам ко мне пристал. Седой уже, а туда же: «Что вы делаете сегодня вечером?» К Оксанке пусть пристаёт!»

Она оделась, вышла из студии и уже шагала по тротуару, сердито топчя жёлтую, облетевшую с клёнов, листву. Но всё ещё видела изумлённо-растроенный взгляд Оксаны и всё ещё продолжала мысленно твердить, как будто оправдываясь: «Нужен мне этот старик! Седой уже, а туда же!» Она перестала злиться, только пройдя почти всю кленовую аллею и почти дотопав до автобусной остановки.

Несмотря на середину сентября, день выдался солнечный и тёплый. Небо отдавало такой нежной голубизной, а листья – и те, что послушно шуршали в такт её сердитым шагам, и те, что всё ещё одевали клены багрянцем и золотом – были такими празднично-яркими, что она переключилась на эту красоту и решила прошагать ещё пару остановок. «В конце-концов, нужно же и свежим воздухом иногда дышать, и солнышко ловить, хотя бы такое, осеннее на исходе дня. – Инка остановилась и подняла лицо к солнцу, прикрыв глаза. – А то ведь всё лето просидела в монтажной, не заметила, как пролетело».

Всё лето в монтажной она просидела потому, что Петька Дронов, их генеральный директор и владелец телестудии, нашёл заказ – снимать видеоклипы для какого-то продюсера. Работали они так: Петька кидал идеи, Оксана раскладывала их на видеоряд, снимала, затем они с Инкой по очереди всё это монтировали, а затем Инка сводила картинку со звуком. Работа была интересной, но малоденежной – так, несколько тысяч рублей премии. Петька считал, что эти вещи они на студии должны делать за зарплату. Инка тогда и не спорила.

Сейчас же, вспомнив, как всё лето просидела в монтажной, она вдруг почувствовала раздражение. И почему это она проковырялась с этими роликами, практически никуда не выбираясь из города? И вообще, что-то слишком много она должна делать для Петьки «за зарплату», которая – курам на смех, хватит на три банки дорожущего крема этого громогласного косметолога. И бабушкиной пенсии – ещё на банку. Доходы у них с бабушкой – не фонтан. Если бы не Инкины шабашки с подработками – сидеть им с бабулей на хлебе и воде.

Инка вздохнула, – шабашки были ещё одной причиной, почему она всё лето просидела в монтажной. Шабашки были «левые», Дронов о них не знал, а Инка без зазрения совести использовала его аппаратуру для своих надобностей. С подработками выручали студенческие связи: то кэвээнщики из университетской команды попросят фонограммку к выступлению сделать или съёмки с вечера в божеский вид при-

вести, то мальчишки с их бывшего курса, вдруг открывшие свой клуб, на концерт позовут на звуке посидеть. В итоге к основной Инкиной зарплате набегало ещё примерно столько же. Хотя и со студенческими приятелями не обошлось без благотворительности. В августе, набив за лето руку на Петькиных роликах, Инка по их просьбе сделала ролик для начинающей певицы. Девчонка обладала потрясающей внешностью: тонкая ломкая фигурка, фарфоровой матовости лицо, точёный нос, глаза миндалевидной формы, прямые густые блестящие волосы, остриженные каре. Голос у девчонки был не менее потрясающим – большого диапазона, с хрипотцой на низких нотах и запредельной чистый на верхнем «до» третьей октавы. Инка придумала снимать её на крыше – песня была про полёт. И ролик получился лёгким, воздушным, а ломкая фигурка – готовой взмыть в небо, вслед за летящим ввысь голосом... Девчонка смогла заплатить немного, да и то Инка почти всё раздала оператору Васе и Славику, добавившему ролику компьютерной графики.

Петьке же его заказчик за клипы платил щедро. Оксанка, когда разузнала, сколько, ахнула. Каждый ролик стоил, как две их зарплаты вместе взятые да на три умноженные! А они за лето их девять штук наваяли! Нажился на них Петька, ох, нажился! А и не скажешь ничего. Оксанке в качестве режиссёра в городе ловить нечего. На государственный телеканал не возьмут, а на других коммерческих такой отстой, что сама туда не захочет. Да и Инке тоже страшновато как-то сры-

ваться с насиженного места, два года всё-таки уже с работает Петькой, привыкла. Хотя, если бы подвернулся вариант, она, может быть, и ушла бы. Только ничего не подворачивалось, а чтобы самой новое место искать – не настолько Инке надоело на студии. В её работе и плюсов достаточно: хотя бы техника вполне новая, да и Петька при всём своём жлобстве не мешает заниматься творчеством.

Вот только творить надо как-то менее интенсивно, – Инка вдохнула полной грудью и наклонилась за красивым разлапистым красно-жёлтым листком. А то если сидеть всё время в студии, то она и в свои двадцать пять рискует приобрести землистый цвет лица, мешки под глазами и все прочие прелести, от которых так замечательно помогают средства этого Николая Евгеньевича. Как там называется его линия? «Фемина»? Она покрутила лист в руке и вдруг как будто снова услышала бархатный голос Мелихова и ощутила покалывание в пальцах, которые он пожимал. Ощутила и нахмурилась, раздражённо отбросив листок. «Блин, да что за наваждение! Этого мне только и не хватало! Я что, запала на этого мужика? Ну, Инка, докатилась. Нет, точно, тебе пора как-то устраивать свою личную жизнь!»

Пора. Легко сказать. Сделать труднее. Как её устраивать-то, эту жизнь? Так получилось, что за свои двадцать пять лет Инка пережила всего две любовные истории. Хотя первую историей-то можно назвать с натяжкой. Так, девчачья любовь к ботанику Лёше из параллельного класса. К бо-

танику не в смысле любителя растений, а в смысле тихони и отличника. Впрочем, она сама в школьные годы была такой же тихоней и отличницей. Девочка-ромашка: книжки читает, крестиком вышивает, на флейте играет.

К книжкам Инка пристрастилась вскоре после гибели родителей. Читала толстые тома Жюль Верна, Луи Буссенара, Фенимора Купера и словно переселялась на время в другой мир, где всё было хорошо, где все потери оборачивались приобретениями. А в её мире потери оставались потерями, и единственное, что она приобрела – привычку читать запоем и любовь к толстым томам. Вышивать крестиком её научила бабушка, и в Инкином гардеробе до сих пор сохранилось несколько собственноручно расшитых блузок. Вышивание завораживало, – из-под иголки появлялся ровный и красивый узор, Инка восторженно млела и чувствовала себя Марьей-искусницей из сказки, которую ей в детстве читала мама. Так же завораживала и музыка. Причём игру на флейте Инка выбрала сама. Шла девчонкой-семилеткой мимо музыкальной школы, услышала звуки, и: «Мама, я тоже так хочу!» Отвели в школу, там у неё обнаружили идеальный слух и приняли в класс духовых инструментов. И потом, пару лет спустя, когда она приноворилась к инструменту и стала звуки не просто слышать – видеть разноцветными пузырями, Инка млела от узоров, которые плела своей флейтой, не меньше, чем от вышивок из-под её иголки. И каждый раз удивлялась, как ей удалось сотворить такую красоту. И даже

думала, что не совсем ей. Говорят же, «Бог помог». Вот и помогал, наверное.

Впрочем, после гибели родителей Инка на бога обиделась. И на флейте играть перестала. Точнее, перестала млеть от тех звуков, которые теперь у неё получались, – они уже не сплетались узорами. Они вообще перестали быть видимыми, превратившись в механическое сотрясение воздуха. Музыкальную школу Инка окончила больше по бабушкиному настоянию, забросив потом инструмент подальше на шкаф. А вышивать продолжала, и читать толстые романы тоже – там жить было хорошо, правильно и безопасно.

Так что на момент влюблённости в Лёшу Инка в отличие от своих одноклассниц, которые уже всю переживали бурные и недетские романы, была начитана, романтична и непорочна. Впрочем, и Лёша не был крутым перцем. После полугода встреч, прогулок и поцелуев на заднем ряду кинозала он выдал, что их отношения отвлекают его от главной цели жизни. Что сейчас для него на первом месте должна стоять учёба. Что он должен сначала окончить школу, поступить в институт, окончить его и только потом заниматься своей личной жизнью.

Инку тогда царапнуло, что её как бы отодвигают в сторону до лучших времён. Но встречи с Лёшей прекратила без особых страданий. После школы он поступил в медицинский институт на гинеколога. Инка хмыкнула, узнав, от какой великой цели она его отвлекала, но сохранила с парнем прия-

тельские отношения, Лёшка позванивал изредка, пару раз в год, на праздники, Инка знала, что парень окончил институт с отличием и теперь стажирруется интерном в одной из Нижегородских больниц. В общем, цели своей жизни достиг, женские болезни изучил, может, уже и с личной жизнью разобрался. Не то, что она, никаких целей, плывёт, куда несёт.

После школы Инку занесло в Нижегородский политехнический на радиотехнический факультет. Поступала она туда по нескольким причинам. Во-первых, близко от дома, что с учётом многочасовых нижегородских пробок большой плюс. Во-вторых, конкурс там был небольшим, а значит, можно поступить на бюджетное отделение. А для них с бабушкой это было основным аргументом. Их семейный бюджет – бабушкина пенсия, Инкина пенсия за родителей и Инкины случайные подработки от доставки телеграмм и летней торговли квасом – вряд ли выдержал бы платную учёбу.

Поступив на радиотехнический, в общем-то, наобум, Инка неожиданно угадала. Ей понравилось учиться. Все эти транзисторы и резисторы оказались вполне понятной и увлекательной штукой. И теперь уже они её завораживали своей возможностью делать чудо: принимать, передавать и усиливать звук. И рисуя схемы и эпюры, Инка глядела на схему и как будто слышала сам звук. Да и группа у них сложилась дружная и какая-то правильная, что ли. Девчонок было немного, ни одной кривляки, и Инка впервые после школы почувствовала себя комфортно. Никто не выделялся,

не «гламурничал», не говорил ехидным тонким голоском: «Одинцова, а где ты эту старушечью юбку отыскала? В бабушкином сундуке, да?» И она спокойно носила эту юбку, действительно, перешитую из старой бабушкиной, но вовсе не старушечью, а очень удобную. И блузки носила, собственноручно расшитые, и жакеты, связанные вместе с бабушкой в четыре руки: одна вяжет полочки, вторая – рукава. Остальные одноклассницы – кроме Инки в группе учились ещё три девочки – одевались так же неброско, а одноклассникам было всё равно, какие на них наряды. И очень скоро Инка научилась общаться со всеми ровно и свободно, купаясь в атмосфере дружеской приязни.

А к концу второго курса один из их мальчиков, Андрей, начал оказывать Инке особые знаки внимания. Позвал в кино, она пошла, и словно вернулась в школьные годы с поцелуями в последнем ряду. Правда, если с Лёшей-ботаником это были влажные робкие прикосновения к губам, то с Андреем – атаки. Он целовал её, словно территорию завоёвывал, жёстко придерживая за затылок и шаря по груди ладонью. «Не надо! – вырвалась тогда, в самый первый раз, Инка, с трудом переводя дух. – Не надо так целоваться, слишком пошло получается!».

Он вроде бы понял, и они продолжали встречаться. Встречались всю весну и часть лета, и со временем Инка привыкла к его натиску и прикосновениям, уговорив себя, что в двадцать лет пора бы уже не быть такой недотрогой. Она даже

научилась отвечать на поцелуи, разжимая зубы и выпуская его язык.

А потом Андрей пригласил её к себе на дачу. Впрочем, не только её – всю группу позвал праздновать день рождения. На даче было здорово. Родиться Андрею посчастливилось в июле, и участок ломился от яблок, груш, смородины и малины. Они с девчонками паслись на этих ягодах, успев между делом настричь тазик салата из розовых мясистых, сахарных на изломе помидоров и крепких оранжево-зелёных перцев, которые росли в тепличке. А мальчишки жарили шашлыки из куриных крылышек и свиных рёбрышек, и дух шёл такой, что, наверное, захлебнулись слюной все окрестные собаки... Андрей выставил к шашлыкам пятилитровую бутылку домашнего смородинового вина прошлогоднего урожая, и это восхитительное тёмное сладкое вино пилось легко, как компот. Однако мальчишки с каждым бокалом «компота» смелели, а девчонки – добрели и позволяли сокращать дистанцию.

Инка тоже расслабилась, и было ей так безопасно и так хорошо! Поэтому когда Андрей утащил её целоваться на летнюю кухню, она не возражала. И когда на стол усадил и пустил руки шарить по телу – не возражала. Вино плескалось в крови, шумело в ушах, кружило голову. Она спохватилась и попыталась возразить, только когда его прикосновения стали совсем уже стыдными, но было поздно. Он её просто завалил на стол, навалился сверху и отымел. Именно так она

потом и думала о произошедшем – отымел. Грубо, сильно, напористо, ладонью зажав рот, чтобы не кричала.

– Прости, но я больше не мог сдерживаться, – сказал он, когда всё закончилось. Потом отодвинулся от неё и вскрикнул: – Что это? Кровь?

– Кровь, – согласилась Инка, сядя на столе и поправляя безнадёжно перепачканную юбку. Ощущения внизу живота были примерзкими. На душе – тоже.

– У девушек всегда кровь идёт при дефлорации. Что ты так на меня смотришь? Да, ты первый. Считай, что я подарила тебе свою девственность. На день рождения.

– Инка, прости меня, Инка, я не думал... – забормотал Андрей и потянулся к ней обнимать, но Инка вскинула руку, останавливая.

– Не надо. Не тронь меня. Ты – животное.

– Ин, я же не думал... Ты бы сказала, что ни с кем... Я четыре месяца терпел... Ну что мне теперь, пойти и повеситься из-за твоей непорочности?

– Да нет, зачем же, живи, – пожала Инка плечами, сползая на пол. Мерзость в душе превратилась в тошноту, и она подышала через рот, чтобы отпустило. Посмотрела на юбку – кровь умудрилась как-то так впитаться в цветной узор, что казалась его продолжением. В таком виде вполне можно было доехать до дома. – Я домой поеду. С днём рождения.

Он тогда не отпустил её просто так, вызвал такси, и Инку довезли до дома. Но их отношения всё равно закончились

– от одного взгляда на Андрея к горлу подступала та самая тошнота, и приходилось делать несколько вдохов, чтобы отпустило. Почти так же Инку мутило от мысли об интимных отношениях с кем-нибудь ещё. Тошнота словно нашёптывала: «К чему с кем бы то ни было гулять-встречаться-целоваться, если потом тебя могут взять и отыметь на каком-нибудь кухонном столе? Или даже пусть не на столе, на диване – какая разница, где чувствовать себя куском мяса, приспособлением для разрядки мужской похоти?» Иногда Инка пыталась понять, неужели все женщины проходят через такую тошноту, но как-то с ней справляются? Или это с ней что-то не так? И в конце концов решила, что с ней не так: судя по книгам, фильмам, по старому снимку с молодыми и счастливыми родителями, люди как-то договариваются и решают эти вопросы. И никого не тошнит.

«Интересно, а этот Николай Евгеньевич тоже в постели превращается в животное?» – вдруг подумалось Инке. Она попыталась себе представить, как бы это было, но представлялось плохо. Однако от мыслей не затошнило, только пальцы отозвались покалыванием. Она удивилась и прислушалась к своим ощущениям. И тут её окликнули:

– Инна!

Она оглянулась и оторопела. У обочины остановилась иномарка – Инка машинально отметила тёмно-зелёный, в черноту, цвет – и из неё выглядывал Николай Евгеньевич. «Помяни чёрта»... – мелькнуло в голове, а «чёрт» сказал,

выходя из машины:

– Инна, я глазам своим не верю! Смотрю, бредёт вдоль дороги эдакая тургеневская барышня, а это – вы! Садитесь, я вас до дома подвезу!

Инка помедлила пару секунд и решилась:

– Ладно, везите. Только мне далеко, через весь город.

– Ничего не имею против!

Он обежал машину, придержал дверцу, дождался, пока Инка сядет, аккуратно прихлопнул и вернулся на водительское место.

– Показывайте мне дорогу, я ещё слишком плохо знаю Нижний.

– До перекрёстка прямо, потом налево, – скомандовала Инка. – А вы откуда приехали?

– Я москвич.

Николай Евгеньевич добавил обдув из кондиционера и включил музыку. Что-то приятное, инструментальное. «Не шансон и не попса!» – зачла ему Инка плюс.

– Живу здесь вторую неделю, и только увидев вас понял, что слишком закрутился с делами и что так жить нельзя.

– Как жить нельзя? – глянула на него Инка, удивившись, что и она минут десять назад думала о своей жизни примерно такими же словами.

– А так, что всё время работа и работа, а жизнь пролетает мимо. И ты вдруг понимаешь, что молодость давно позади, когда однажды хорошенькая девушка сообщает тебе, что

предпочитает мыть окна, а не провести с тобой вечер!

– Но я действительно обещала бабушке помочь с окнами! – рассмешила Инку его гротесково-скорбная жалоба. – У нас в семье не принято отмахиваться от обещаний. А на свидание вы Оксану позовите. Она весёлая, и вообще...

– Больше подходит мне по возрасту? – угадал Николай Евгеньевич, и Инка неопределённо дёрнула плечом. – Уверен, что Оксана замечательная женщина, только слишком уж яркая и напористая. Мне такие не нравятся. Мне нравятся такие женщины, как вы.

– Молодые, глупые, покорные? – попыталась угадать Инка.

– Глубокие, содержательные, тонко чувствующие, – не согласился Николай Евгеньевич, и Инка подумала, что он начинает ей нравиться. А тот словно почувствовал что-то:

– Инна, у меня есть предложение. Только не спешите отказываться! Я доведу вас до дома, договорюсь с вашей бабушкой, чтобы она вас отпустила, и вы всё-таки покажете мне Нижний Новгород. Обещаю вести себя прилично и вернуть вас домой точно в срок.

– Срок – к одиннадцати, – решила Инка. – Только учтите, с моей бабулей не так-то просто договориться, и многого я вам не покажу. Я домоседка и не очень-то знаю здешние весёлые места.

– Значит, будем изучать их вместе! – обрадовался Николай Евгеньевич. – Показывайте, куда ехать дальше.

– Теперь через мост, – скомандовала Инка и стала наблюдать, как на них надвигается панорама кремля.

Глава 2

– Ты что, издеваешься надо мной? Ты бы ещё похоронный марш выбрала!

Оксана сжала губы, приобретая склочно-сварливый вид, и Инка вздохнула. Ну вот, опять началось...

– Оксана, причём тут похоронный марш? Это же фокстрот, «Маленький цветок», и он очень хорошо ложится в тему. Ролик ведь про ресторан в стиле ретро!

– А от твоей музыки создаётся впечатление, что это не ресторан, а богадельня какая-то! И если что и ложится под этот фокстрот, так это покойники по гробам! И там переворачиваются!

Оксана была не права, и знала, что была не права, и Инка видела, что та знает... Хороший был фокстрот – медленный, тягучий, хит шестидесятых годов. Инка нашла его на старой бабушкиной пластинке, послушала на старом бабушкином проигрывателе и так впечатлилась, что кинула запрос в Интернет. Нашла в поиске сайт, где была эта мелодия, сохранила её в своей фонотеке. И когда Петька, прямой и непосредственный их начальник, попросил Инку «пособить Оксаночке и подобрать стильную музычку для перспективного клиента», а Инка увидела отснятый материал (бархатные портьеры, скатерти с кистями, стулья с гнутыми ножками, мужчины с проборами и галстуками-бабочками, женщины с

голыми плечами, томно сжимающие яркими ртами тонкие и длинные мундштуки с папиросками), «Маленький цветок» сам собой зазвучал в её голове. И скатерти, и кисти, и проборы, и голые плечи, и мундштуки в тонких пальцах замечательно ложились на этот хит времён бабушкиной молодости: та-та... та-та-та та-та... та-та –та та-та-та та-та та-та... Под эту мелодию хотелось искушать, увлекать, соблазнять, ускользать. А вовсе не в гробах переворачиваться.

– Оксан, ну перестань, хорошая ведь мелодия, – Инка сделала ещё одну попытку договориться. Но Оксана только трепетнула ноздрями и отрезала:

– Я сказала – не годится, значит – не годится. В конце концов, я тут режиссёр. Или ищи другую музыку, или я скажу Петьке, чтобы отдал мне Славика!

Она имела в виду второго звукорежиссёра, который обычно и занимался рекламными роликами, но в этот раз был жутко занят в каком-то очередном Петькином проекте.

– Оксан, а ты что, на молодых теперь западаешь? – раздался вдруг иронично-ленивый голос. Инка с Оксаной вздрогнули и оглянулись. Ирэна. Они в пылу спора умудрились про неё позабыть. Сидела себе тихо в уголочке, в наушниках, стучала пальцами по клавиатуре – сценарий писала и никого не слышала. И вот услышала, оказывается, подключилась, смотрит на Оксану, насмешливо выгнув бровь.

– В каком смысле – западаю? – растерялась сбитая с толку Оксана. Она разом перестала злиться, её губы перестали

подбираться в нитку и распустились пухлым бутонem, а глаза широко открылись, утратив гневный прищур.

– Да слышу, ты тут размечталась, чтобы Славика тебе отдали. А ты у него спроси, захочет ли он тебе отдаться!

– Ирка, ты чего несёшь! Ты что, одурела? – захлопала глазами Оксана. Такого поворота разговора она не ожидала. Да и никаких лирических чувств к Славику, лохматому парню двадцати семи лет, не испытывала.

– Не более, чем ты! – Ирэна откинулась в кресле. – Это ты ошалела, раз так на Инку нападаешь. Хорошую она музыку подобрала. Лично мне очень нравится: и с картинкой, и с текстом совпадает идеально.

– Ну, знаешь, о картинке позволь уж мне судить, – опять подобрала губы Оксана.

– Ой, Оксанка, ну хватит вредничать! Ведь совпадает же! Ну вот, давай, я почитаю текст под Инкину музыку, – предложила Ирэна и кивнула Инке, не дожидаясь ответа:

– Ин, включай свой фокстрот.

Инка включила. Ирэна, выждав несколько тактов, начала говорить глубоким грудным голосом:

– Любовь – как хорошо приготовленное блюдо: в меру острое и горячее, в меру сладкое и солёное. Вы знаете толк в любви. Мы знаем толк в еде. Ресторан «Ретро» – для искушённых в любви гурманов...

Инка под конец фразы успела смикшировать звук, но в аппаратной всё равно словно повисла некая низкая и томная

нота.

– Ну, что я говорила! – смяла эту ноту Ирэна. – Ведь очень красиво получается! Оксана, объясни, почему ты против? Я уверена – заказчик будет в восторге. А вот Петька, если ты начнёшь Славика дёргать, будет в ярости.

– Ладно, убедили, – дёрнула плечом Оксана. – Пусть будет фокстрот. Хотя ты своим голосом любой полонез Огинского в секс-музыку превратишь! Фиг с вами, пусть будет этот «Аленький цветочек»!

– «Маленький цветок», – поправила Инка, но Оксана уже не слушала – вышла за дверь.

– Ирэна, спасибо тебе, – повернулась Инка к Ирэне. – Что-то трудно мне стало с Оксаной в последнее время договариваться. Её словно подменили.

– А кому сейчас легко! – хмыкнула Ирэна. – Кстати, это Оксанка на тебя из-за твоего профессора злится.

– Из-за Николая Евгеньевича? – изумилась Инка. – Да брось ты!

– Могу и бросить, – пожалала плечами Ирэна, надевая наушники. – Только я же вижу: с тех пор, как у тебя завязался роман с этим Мелиховым, Оксанка просто остервенела.

– Но я ведь не виновата, что он меня предпочёл, – заморгала Инка, но Ирэна её уже не слышала. Покачивая головой в такт музыке из наушников, она опять выстукивала на клавиатуре свой сценарий. А Инка задумалась

Ну да, похоже, так оно и есть. Похоже, Оксана действи-

тельно злится на неё из-за Николая Евгеньевича. Похоже, именно после Инкиного рассказа о свидании она и превратилась из вспыльчивой, но отходчивой хохотушки в зловредную придиру. И вот уже месяц изводит Инку своими придирами. И вот уже месяц, как у Инки роман с Николаем Евгеньевичем.

Роман... Инка откинулась в кресле, вспоминая. Кто бы мог подумать, что он случится. Ведь ничего, вот абсолютно ничего у неё не ёкнуло в тот первый вечер, когда она села к нему в машину. Даже в голову не приходило, что она (обычная серая мышь, не то, что красотка Ирэна или по южному яркая и зажигательная Оксана) может всерьёз привлечь этого холёного, уверенного в себе москвича. А он, покатав в тот день Инку по городу и сводив в пиццерию, где им подавали паппероне с лёгким красным вином, и где они говорили о музыке, телевидении и современных нравах, вернул её домой ровно в одиннадцать вечера, как договаривались. И напросился на чай. Инка пригласила, честно предупредив, что бабуля ещё не спит, что она обожает новые знакомства, и что теперь, раз Инка отменила мытьё окон, объяснив, что из-за свидания, Николаю Евгеньевичу нужно подготовиться к викторине «что-где-когда».

Но Инка ошиблась: бабуля устроила не викторину, а допрос с пристрастием. Не «что-где-когда», а «кто такой – откуда взялся – чего хочешь от моей внучки». Николай Евгеньевич, плюс ему, не растерялся, на бабулины вопросы отве-

чал бархатно, приветливо и обстоятельно. Кто? Учёный-химик, которого жизнь заставила стать предпринимателем. Откуда взялся? Из Москвы, специально приехал в Нижегородскую телекомпанию, которую ему порекомендовали как недорогую и профессиональную. Для него это важно, так как он занимается продвижением новой, лично им разработанной серии косметики для увядающей кожи.

«Вот вам, милейшая Нина Антоновна, для вашей кожи, такая серия будет очень кстати, я на днях предам для вас обязательно. В честь, так сказать, знакомства. А от внучки вашей, Нина Антоновна, мне не надо ничего такого, в чём ей потом пришлось бы раскаиваться. Просто мне, холостяку, уж извините за подробности, уставшему от назойливого и корыстного женского внимания, было очень приятно провести вечер в компании такой чистой и светлой барышни, как Инночка. И если вы, Нина Антоновна, не возражаете, то я бы хотел ангажировать вашу внучку и на завтрашний вечер!»

Так говорил тогда Николай Евгеньевич, и бабуля, ошалеv от заvредельной галантности и уважительности, конечно же, не возразила. Инка, хотя и отметила в уме, что сначала её надо бы спросить, тоже не возражала – то, что Николай Евгеньевич выбрал её из множества женщин, льстило. Не возразила Инка и к исходу первой недели их встреч, когда Николай Евгеньевич после ужина в ресторане пригласил её в гостиничный номер.

К тому времени Инка не просто была готова к углубле-

нию их отношений – она уже ждала, жаждала этого углубления. И неизвестно, что тут сыграло сильнее: требующее ли своего либидо, разогретое обволакивающим взглядом, бархатистым голосом и легкими прикосновениями его пальцев к её ладони. Задетое ли самолюбие, недоумевающее, почему этот мужчина стремится провести с ней каждый вечер, но при этом максимум, что себе позволяет – сжать пальцы, поцеловать руку, прижать плотнее под локоток, когда они гуляют по городу. А может быть, сказались и бабулины речетативы: «Наконец-то на тебя обратил внимание приличный мужчина! Взрослый, самостоятельный, да ещё и москвич. Держись его, внуча, не упusti! Глядишь, сладится у вас, замуж он тебя позовёт, и я хоть буду за тебя спокойна!» Инка отмахивалась – какой там «замуж»! Николай Евгеньевич старше её на двадцать шесть лет, разве такой должен быть муж! Муж – это когда просто, хорошо и радостно вместе, муж – это на всю жизнь. А Николай Евгеньевич – просто знакомый, приятное приключение, красивый роман.

Но зрело, зрело что-то в душе. И это что-то выдало себя решительным кивком на его «Инна, я хотел бы пригласить вас к себе. Как вы к этому отнесётесь?» И учащённым сердцебиением, пока они ехали в его машине до гостиницы. И пылающими щеками, с которыми она прошла мимо администратора, ощутимо глядевшего ей в спину. В номере – небольшой, но чистой комнате, почти полностью занятой бесстыдно стоящей на середине двуспальной кровати –

Николай Евгеньевич впервые её поцеловал, коротко и легко, ничего общего с собственническими и засасывающими поцелуями Андрея. И попросил располагаться.

Инка расположилась на краешке кровати, а Николай Евгеньевич заказал в номер шампанское, шоколад и виноград. И она от неловкости хлопнула пару фужеров кисло-колючего шампанского, у неё закружилась голова и потянуло прилечь. Николай Евгеньевич прилѐг рядом, и всё у них случилось. И было не так больно и не так противно, как тогда на даче с Андреем. Единственное, что задевало – его повелительно-поощрительные реплики: «Так, девочка, так, двигайся, двигайся, очень хорошо. А теперь ножку вот сюда. И погладь меня пяточкой. Умница!»

Инка за месяц их романа так и не привыкла к этим его поощрениям в постели. Мешали они ей, будто не любовью она занималась, а зачѐт сдавала. «Зачѐт на сексуальность!» – улыбнулась своим мыслям Инка и потянулась искать зазвонивший мобильник. Наверное, поэтому и думает о нём по имени-отчеству, не как о любовнике, а как о каком-нибудь педагоге. В Николая, а тем более в Коленьку, Николай Евгеньевич никак не переиначивается. Она каждый раз, называя его Николаем, усилие над собой делает. Зато после секса с ним не тошнило. Так, лёгкая опустошѐнность и звон в ушах. В общем, как у любой нормальной женщины. О, надо же, Николай Евгеньевич и звонит! Как будто почувствовал в своей Москве, что она тут о нём думает.

– Инночка? Здравствуй, милая! – завибрировала трубка от бархата его модуляций. – Как ты там без меня?

– Работаю, – сообщила Инка.

– Умница. А хорошо работаешь?

– Не очень. Оксана мой «Маленький цветок» объявила похоронной музыкой, – не удержалась от жалобы Инка.

– Ну, ну, девочка моя, что за похоронное настроение, – ласково пропела трубка. – Неужели ты так сильно по мне соскучилась?

– А? Ну да, – растерялась Инка, поняв, что за всю неделю, которую Николай Евгеньевич был в Москве, она вспомнила о нём вот только что. Хотя и он мог бы и раньше позвонить, вообще-то. – Ты ведь не звонил.

– Виноват, детка, каюсь, извини. Зато у меня сложилась одна очень славная сделка, и я хочу это отметить. Скажи, зая, а есть ли у тебя загранпаспорт?

– Есть, а что? – замерла Инка. Неужели?..

Паспорт она сделала себе в прошлом году, вдруг размечтавшись, что случится однажды чудо, и она выберется в какую-нибудь Европу: Испанию, там, Италию, в Чехию, в конце-концов. А что, вполне может быть. Вот добавит ей Петька зарплату или халтурка какая подвернётся – так и насобирает денежек! И Петька добавлял, и халтурки подворачивались, Инке даже удалось за год скопить триста долларов. Но для Европы этого было мало, мало! Но деньги слишком стремительно расходились – на новую сумочку, потому что у ста-

рой окончательно отвалилась ручка и дальше её пришивать нитками было просто неприлично. На новые туфли, потому что старые, купленные ещё в студенчестве, расклеились от дождей, устав за четыре года службы. На лекарства для бабушки, которая вдруг стала хуже видеть, и врачи, подозревая замутнение хрусталика, выписали ей целую кучу лекарств. Деньги расплзались в бесчисленные, возникавшие нежданно-негаданно дыры, и Инкин загранпаспорт так и сиял девственно чистыми страницами, напоминанием о несбывшихся мечтах о чуде. Так неужели?..

– Детка, а как ты смотришь на то, чтобы нам съездить в Египет на недельку? Я тебя приглашаю!

– В Египет? – Инка постаралась скрыть разочарование. Нет, Египет тоже, конечно, заграница. Но не мечта. – А когда?

– Ну, скажем, на ноябрьские праздники. Выберемся?

– Даже не знаю, запарки могут быть, надо с Петькой об отпуске договориться...

– Так ты не сможешь? – холодно изумилась трубка, и Инка решила:

– Смогу. Договорюсь. Я всё лето работала, мне положено отдохнуть, Петька отпустит.

– Вот и умница! Так я вечером за тобой заеду?

– Заедешь? Из Москвы?

– Я уже в Нижнем, детка. Я заеду в шесть, договорились? Целую тебя, зая, до встречи!

Трубка давно уже смолкла, но Инка продолжала держать её в руках, уставившись невидящим взглядом в пространство. Вот так-так, похоже, её отношения с Николаем Евгеньевичем переходят в новую стадию.

– Что там у тебя случилось? Путешествие, что ли, романтическое? – подала голос Ирэна, и Инка опять вздрогнула. Ну надо же, снова она умудрилась забыть про Ирэну! Объясняй вот теперь.

– Вроде того. Николай Евгеньевич в Египет зовёт на ноябрьские.

– А почему в Египет? У него что, денег мало, у твоего Мелихова? Или он у тебя из экономных?

– А причём тут экономия? – не поняла Инка.

– Да потому что поездка в Египет обойдётся максимум в тысячу долларов, раза в два дешевле, чем в Париж.

– Ой, Ирэна, какой Париж в такое время – дождь и слякоть! – отмахнулась Инка, как будто уже бывала в Париже в ноябре. Намёк о прижимистости Николая Евгеньевича как-то задел. – И вообще, зачем сразу всё на деньги переводить!

– А затем, что если делать это не сразу, а постепенно, останешься на бобах. Уж поверь моему опыту.

Инка хмыкнула и неопределённо повела плечами. Верить опыту Ирэны не хотелось, хотя он у неё и в отношении мужчин, и в отношении денег был богатым. Их теледиву вечерами частенько поджидали блестящие иномарки с крепкими мужчинами внутри – Инка видела, как один такой осно-

вательный крепыш подсаживал Ирэну в салон. Судя по молве, любовников у неё было много, и все – с деньгами. По крайней мере, и одевалась Ирэна побогаче Инки, отоваривавшейся в стоках по дешёвке. И в последний отпуск с кем-то ездила на Майорку, фотографии потом показывала: она – загорелая секси в бикини, он – очередной крепыш (или тот же самый?) в трусах до колен на фоне синего моря и гофрированных пляжных зонтиков. М-да, Египет не Майорка, но надо же с чего-то начинать!

– Не знаю, Ирэна, что говорит твой опыт, – сказала Инка, – а по мне – не важно, сколько стоит поездка. Важно, стоит ли туда ехать.

– И стоИт ли у того, кто везёт! – захохотала Ирэна. – Так ты поедешь?

– Да. Никогда не была в Египте, – кивнула Инка. И подумала, что вообще нигде не была. И пусть для Ирэны тысяча долларов – слишком дёшево, для неё, Инки, это сумма, которую и за два года не собрать.

Вечером за ней заехал Николай Евгеньевич, и они сразу отправились к Инке домой, где бабуля устроила ужин в честь его приезда, сотворив пирог с грибами.

– Нина Антоновна, я зову Инночку поехать со мной в Хургаду. Вы её отпустите? – спросил Мелихов, когда они уселись за стол и наблюдали, как бабуля разрезает румяную корочку, пластая свой праздничный шедевр на ровные, вкусно пахнущие грибами и луком куски.

– Хургада? – отвлеклась она от пирога. – А где это? В Узбекистане?

– Это в Египте, бабуля! – засмеялась Инка. – Ты что!

– А что я. Я дальше Волги и Оки не ездила никуда. Сначала Зину растила, потом – тебя. Зина – это Инкина мама, – объяснила она Николаю Евгеньевичу. – Вы знаете, наверное.

– Да, Нина Антоновна, знаю, что Инночка осталась сиротой, и вы ей полностью заменили родителей, – скорбно кивнул Николай Евгеньевич.

– Ну да, заменила, – вздохнула Нина Антоновна и придвинула гостю кусок пирога. – Возьмите вот этот, здесь начинки побольше. Это лисички, я сама их летом собирала и на зиму заморозила.

– Спасибо, Ниночка Антоновна, – Николай Евгеньевич откусил пирога. – Очень, очень вкусно. Я просто поражён вашим мастерством. И когда вы всё успеваете!

– Это мой фирменный рецепт, специальный, на случай внезапных гостей, – засияла хозяйка. – Когда Инна позвонила, что вы в городе и вскоре будете у нас, я сразу этот рецепт и вспомнила!

– Значит, я – внезапный гость! – подначил Николай Евгеньевич. – Но это, согласитесь, лучше, чем гость незваный!

– Ну что вы говорите такое, – перепугалась старушка. – Вы желанный гость! Инночка по вам так скучала! А мне не сложно – грибы есть, мука есть, пара луковиц в доме всегда найдётся. Всех хлопот на сорок минут – и еда на столе!

– И какая еда! – прожевал Николай Евгеньевич. – Вы замечательная кулинарка, Нина Антоновна. Надеюсь, Инна переняла от вас секреты мастерства.

– Перенять-то переняла, да не больно пользует. – Нина Антоновна, наконец, уселась за стол и положила кусок пирога себе. – Всё на работе своей днями пропадает, когда ей пироги печь!

– Бабуль, между прочим, говорить о присутствующих в третьем лице неприлично, – не выдержала, наконец, Инка.

– А сиднем сидеть молодой-красивой в четырёх стенах – прилично? Спасибо, вон, Николай Евгеньевич решил тебя в свет вывезти!

– Ба, я не телега, чтобы меня вывозить. И Египет – это не свет, а страна такая, где море, солнце и рыбки разноцветные.

– Нина Антоновна, – сказал Николай Евгеньевич, аккуратно дожёвывая кусок и салфеткой смахивая крошки с бороды, – мне показалось, или вы чем-то взволнованны?

– Да... боязно мне за Инку... – Бабуля подпёрла щёку рукой и погрустнела.

– Бабуль, да что с тобой сегодня! – не выдержала Инка. А Николай Евгеньевич отодвинул тарелку и приосанился.

– Нина Антоновна, я вам обещаю... Я вам обещаю, что с Инной ничего плохого не случится. Я принимаю на себя ответственность за вашу внучку.

Он накрыл руку бабули ладонью, и старушка зарделась, согласно кивая. А Инке почудилось, что её только что сосва-

тали замуж. Во всяком случае, что-то такое в комнате повисло. И когда они споро доели пирог, разговаривая сначала о Египте, а потом о всякой всячине, получилось как-то естественно и само собой, что бабуля предложила Николаю Евгеньевичу остаться ночевать и постелила ему в смежной с Инкиной комнате. И, конечно же, ночью он пришёл к Инке, и та опять сдавала зачёт на сексуальность. И, по-видимому, сдала, потому что когда всё закончилось, Николай Евгеньевич отвалился умиротворённо на спину и, немного погодя, сказал:

– Знаешь, детка, у меня к тебе есть серьёзный разговор. Только я хочу завести его в другой обстановке, более романтической. Думаю, в Египте обстановка как раз будет подходящей, чтобы я сказал тебе что-то важное.

– Ты что, замуж меня звать собрался? – повернулась к нему Инка

– Потом, зая, потом, я всё тебе скажу в Египте. Потерпишь пару неделек?

Он уехал в Москву через несколько дней, а она две недели думала, что ответить Николаю Евгеньевичу, если он и в самом деле решил сделать ей предложение. Разум, отчего-то бабулиным голосом, советовал соглашаться и приводил резоны: богатый, образованный, хорошо воспитан, обеспечит будущее, откроет перспективы. А вот сердце молчало, и только сжималось, когда Инка пыталась нарисовать себе картинку, где она – жена Николая Евгеньевича. А он – её

муж, и так будет всегда. Это «всегда» застревало холодной льдинкой в середине груди, и Инка надеялась что «девять дней, восемь ночей» по системе «всё включено» позволят ей лучше узнать этого человека. И что египетское солнце растопит дурацкую льдинку возле сердца. Потому что с нею – никак.

Глава 3

Отель назывался «Ай-Гюль» и встречал гостей белым каменным цветком-фонтаном в маленьком дворике перед зданием ресэпши. Само здание, где Инку регистрировали и выдавали ключи от номера, напоминало дворец: мраморные пол и колонны, огромный зал с мозаичным полом, с куполом потолка, расписанным сценами из арабских сказок, бронзовые скульптуры и множество дверей с витражами по окружности зала. Русская девушка-администратор выдала Инке ключи, план отеля, ловко закрепила на запястье жёлтый пластмассовый браслетик и показала на самую большую дверь с витражами на другой стороне зала – добро пожаловать!

Инка пересекла роскошный холл, толкнула двери и оказалась в сказке про тысячу и одну ночь: слева и справа возвышались ряды двухэтажных дворцов-коттеджей из красного кирпича, а между ними голубели маленькие озёра со скалистыми островками и гнутыми горбатыми мостиками. Территория, огороженная коттеджами, уходила вдаль, насколько хватало взгляда. Моря отсюда видно не было, зато бассейны были видны далеко впереди, насколько хватало Инкиного взгляда. И всё это – под сенью финиковых пальм, раскинувших высоко в небе султанчики листьев. Правда, кое-где эти султанчики были обмотаны какими-то рогожками, слов-

но пальмы принесли из магазина и не полностью распаковали. Но Инка не стала отвлекаться на рогожки, чтобы не портить себе сказку, а сверилась со схемой территории – «Так, восемнадцать-А, это левая сторона» – и отправилась искать свой коттедж.

Коттедж стоял по соседству с самым большим бассейном размером с приличный пруд. Загогулистые берега делили бассейн на две части, соединённые узким перешейком. В дальней от Инки части виднелся внушительный остров, увенчанный чем-то вроде каменной арки. Ближнюю часть бассейна украшал горбатый мостик из светлого дерева. Рядом с мостиком из воды полузатопленным островом высывалась стойка бара. За стойкой абсолютно одетый и сухой бармен разливал напитки раздетым и мокрым отдыхающим, сидевшим на чём-то, не видимом из-под воды. Инка перешла по горбтому мостику на нужную сторону и вскоре уже отпирала массивную тёмно-коричневую дверь тяжёлым бороздчатым ключом.

Её сумка оказалась уже у порога номера, и Инка успокоилась, поняв, что напрасно боялась отдавать багаж смуглому мальчишке в униформе. Доставил всё в целости и сохранности! Она вошла сначала в маленькую прихожую, а потом шагнула дальше, в большую комнату, как бы разделённую надвое арочной перегородкой. В этом отеле вся архитектура была арочной – полукруги, по-арабски сходящиеся остриём на вершине, украшали и вход в коттедж, и оконные проёмы,

и веранды. Да, веранда! Инка пересекла комнату и открыла балконную дверь. За ней обнаружилась площадка, огороженная невысоким барьерчиком с решёткой в восточном стиле. Справа барьерчик не доходил до стены и оставлял проход к бассейну. Инка бросила взгляд на манящую голубизну воды и вернулась в комнату надевать купальник.

Вода была тёплой и едва уловимо пахла хлоркой. Хотя, вполне возможно, Инке это мерещилось после бассейна в Нижнем, где она плавала по абонементу, и где воду хлорировали на совесть. Здешняя вода при ближайшем рассмотрении оказалась не такой уж и голубой – просто дно и стены бассейна были выкрашены в лазоревый цвет. Инна поплыла аккуратным брассом к островку, который тоже оказался имитацией: был сделан из чего-то вроде цемента и подкрашен серо-голубым цветом. Впрочем, это ничуть не мешало отдыхающим сидеть по краю острова, а их детям – лазать под фальшивыми каменными арками. Глубина возле острова была изрядная – её ноги дна не доставали. Инка прицепилась к островку и огляделась. Какой-то мальчишка лет семи в яркой бейсболке лазал туда-сюда сквозь «каменные» нагромождения и постоянно звал по-русски писклявым голосом: «Пап, смотри, где я!» Папаша не откликался, и Инке он представлялся каким-нибудь тщедушным мужичонкой, уткнувшимся в газету и уставшим от активности собственного чада.

Она проплыла мимо острова, через перешеек вернулась

во вторую часть пруда-бассейна и вскоре причалила к бару.

– Жус, кола, биир, вотэ? – белозубо поинтересовался бармен, стоявший в своей загородке словно Ной в ковчеге, со всех сторон защищённый от воды высокими барьерами.

– Оранж джус, – выбрала Инка, устраиваясь на круглом сидении, почти скрытом водой. И получила пахнущую апельсинами оранжевую жидкость с кубиками льда и соломинкой.

– Эй, бой, а выпить у тебя есть? Ну, там, виски, джин, водка, дринк. А? – к бару подплыл бронзовый от загара детина с толстой золотой цепью на могучей шее и мордой тигра, вытатуированной на левом плече.

– Вы-пить? Дринк? Ноу, вы-пить – там! – замотал головой бармен и показал в сторону дворца ресепшн.

– Да я, блин, и без тебя знаю, что там наливают, – ругнулся детина. – Только в лом мне туда шлёпать по жаре. Не, ты прикинь, – вдруг обратился он к Инке и показал на такой же браслетик на запястье, как и у неё, только не жёлтый, а оранжевый. – Заплатил по полной, типа, всё включено, а чтобы включиться, нужно в этот их кабак на входе бегать. Выпивку дают только там. И всегда – толпа. Всё включено, блин! Мусульмане, блин, и сами не пьют, и реальным людям гадят!

Детина досадливо покрутил остриженной коротким ёжиком башкой и опять повернулся к бармену:

– Ладно, нету водки – пиво давай. Бир!

Бармен плеснул пива в широкий бокал и ловко придвинул

к парню.

– А почему у меня браслет жёлтый, а у вас оранжевый? – потрогала Инка своё запястье. – Это что-нибудь означает?

– То, что хавать ты можешь от пуза, и водичку эту хлебать – тоже. А если чего покрепче захочешь – башлять придётся, – объяснил парень.

– Да ну, спиртное пить в такую жару, – передёрнулась Инка и потянула свою водицу через трубочку.

– А что тут ещё делать? Тоска! – Парень отпил пива и поморщился. – И пиво у них – дрянь. Писи сиротки Хаси. Ладно, хоть холодное! Митяй.

Инка не сразу сообразила, что ей представились.

– Инна.

– Чё, недавно приехала?

– Да, пару часов назад.

– А я своё отмотал, завтра уезжаю из этой богадельни.

– Почему «богадельни»? Вам здесь не понравилось? Красиво ведь!

– Да, и пацан мой прётся до поросычьего визга, и жене нравится. А я терпеть не могу курорты эти муторные. Жрачка да пляж – вот и весь отдых. Если бы не Жанка моя – хрен бы я сюда сунулся. Я, реально, лучше бы с мужиками на Селигер рыбачить рванул. Да разве с вами, бабами, договоришься? «Ребёнку море нужно, ребёнку солнце нужно», – пропищал он противным голосом, видимо, подражая жене. – Ну, я и повёлся, тем более путёвки стали предлагать со скидкой,

горящие. Короче, погнался, как поп, за дешевизной – по четыреста баков на рыло, пять звёзд, всё включено. А нас развели, как лохов – подсунули этот отстой. Понятно, почему путёвки горящие – сами они тут скоро погорят, нахрен, синим пламенем.

– Да почему же отстой? – удивилась Инка. – Здесь классно!

– Ага, классно. Нафигачили этих своих понтов шамаханских, а моря нет!

– Почему – нет? – оторопела Инка. – Отель ведь на Красном море, я читала!

– Ну, на Красном. Только хрена ты в том Красном море искупаешься – везде кораллы и глубина по щиколотку. Вот и плещутся все в этих ссаных бассейнах. Так что, подруга, зря ты своему мужику мозг клевала, чтобы он тебя сюда вывез!

– Я не клевала... – начала зачем-то оправдываться Инка, но тут над их головами раздалось грозное:

– Ми-и-тя! Митя, ты что там делаешь, а? Ты же обещал больше не пить!

Детина враз сгорбился, а Инка подняла взгляд. На мостике стояла особа с габаритами под стать Митяю. Её собственные мощные стати были задрапированы полупрозрачным парео, которое не очень-то скрывало выпирающий из купальника пышный бюст и мощные бёдра. От того, что Инка глядела снизу вверх, особа казалась особенно монументальной.

– Митя, а где Андрюша? – продолжала допрос особа.

– Там, играет, – мотнул Митяй головой.

– Где – там?

– Ну, на острове.

– Что? На острове? И ты оставил его одного? – завопила вдруг женщина, срываясь на визг.

– Да ладно, Жанка, ну чё ты! Он же плавает, как рыбка!

– Какая рыбка! Изверг, ты что, ребёнка хочешь утопить? А ну, бросай своё пойло и плыви к Андрюшке! Боже ж ты мой, что за наказание такое! У всех мужья, как мужья, а у меня – пивная бочка! Ребёнка готов променять на кружку пива, а родную жену – на первую попавшуюся дрянь!

– Да хорош орать, кому сказал! – гаркнул Митяй и, ухнув в воду тюленем, поплыл к острову. Бармен наблюдал за спектаклем, улыбаясь во весь рот и с восхищением глядя на пышную Жанку, которая уже удалялась, победительно виляя монументальным задом.

«Первая попавшаяся дрянь – это, надо полагать, я, – подумала Инка, крутя в руках пустой бокал. – Хорошенькое начало отдыха!» Плескаться в воде расхотелось, и она поплыла к берегу в сторону своего коттеджа.

В номере сняла мокрый купальник, повесила его в невиданной красоты ванной, облицованной белой плиткой, сверкавшей хромом и большим, в треть стены, зеркалом. Облачилась в висевший тут же махровый халат. Потом вышла в комнату, пощёлкав тумблерами, запустила кондиционер и

улеглась на одну из двух кроватей – кровати в номере были почему-то раздвинуты и разделены двумя тумбочками. Восторг от отеля испарился, и Инке стало отчаянно одиноко.

«Первая попавшаяся... Вот приедет завтра Николай Евгеньевич, поглядим, кто тут дрянь, а кто почти невеста!» Инка повернулась на бок и стала вспоминать тот вечер, когда бабуля кормила его пирогом, а он сказал, что отвечает за Инку. А потом спросил, потерпит ли она две недели до серьёзного разговора в Египте. И вот она уже здесь, а он ещё в Москве.

Инке стало тревожно, и она постаралась отогнать дурные мысли. У Николая Евгеньевича внезапные дела. Завтра утром, в крайнем случае – вечером, он обязательно приедет. И всё-таки, что там у него происходит?

Это что-то началось ещё в поезде, когда ей оставался час езды до Москвы. Они договорились, что Николай Евгеньевич встретит её на вокзале, и они сразу поедут в Домодедово. А он позвонил и сказал:

– Детка, извини, но у меня небольшие изменения в программе.

– То есть? Мы никуда не летим?

– Летим, но порознь. Ты сегодня, а я – завтра утром или, на крайний случай, вечером. Ты же проживёшь там без меня одни сутки?

– Николай, ты о чём? Какие сутки? Я без тебя никуда не полечу!

– Зая, ну не сердись! У меня тут некоторые... события,

и я должен их разрешить. Ты должна лететь, номер уже забронирован. А я завтра появлюсь, поживёшь всего один день без меня! Ну, не трусь!

– Я не трушу. Я просто не знаю, что мне делать. Я ни разу не была за границей.

– Детка, тут нет ничего сложного. Ты самолётами раньше летала?

– Да, два раза, в Семфирополь к тёте Вере и один раз к папиным дальним родственникам в Иркутск.

– Ну вот и чудненько, ты почти всё уже знаешь. Приедешь в Домодедово, пройдёшь в международный зал, в таможенную зону. Покажешь там загранпаспорт, ваучер, если спросят... Хотя ваучер в Египте спрашивают, там, кстати и визу купишь...

– Какой паспорт, какая виза? Николай, все документы у тебя!

– Детка, тебя встретит на вокзале молодой человек по имени Александр и всё тебе отдаст, и паспорт, и ваучер. И проводит на Павелецкий вокзал, и поможет сесть на экспресс до Домодедово. Лети, и ничего не бойся, никто тебя не остановит. Разве что ты контрабанду везёшь... Ты не везёшь контрабанды?

– Я везу новый купальник-бикини, вечернее платье с голой спиной и босоножки на шпильке. И я боюсь лететь одна!

– Детка, ну перестань, ты же взрослая девочка. Ты должна понять: у меня случился форс-мажор, непредвиденные об-

стоятельства. И я должен с ними справиться. Лети, малышка, я задержусь всего на день. И мы с тобой потом всё наверстаем, я обещаю!

«Что же у него могло случиться?» – Инка положила ладонь под щёку и свернулась клубочком: кондиционер наяривал, в комнате ощутимо похолодало, но вставать и разбираться с ним было лень. «Может быть, что-нибудь с бизнесом? Наехали конкуренты, и он задержался на этих, как их, разборках!». Инке представилось, как на Николая Евгеньевича наседают здоровенные мужики, типа Митяя из бассейна. А он, раскрыв баночку с кремом, загребаёт оттуда и кидается в противников. И они покрываются белыми плюхами. Или даже не так. Николай Евгеньевич выхватывает из кармана тюбик с гелем-лифтингом и, открутив крышечку, точным нажатием пальцев посылает струю геля в глаза врагов! Инка хихикнула получившейся картинке: образ вальяжного Николая Евгеньевича, пуляющего гелем из тюбика, получился прекомический. И тут в дверь постучали.

«Приехал?!» – она кинулась к двери, на ходу поправляя халат, распахнула её... На пороге вежливо улыбался брюнет в малиново-зелёной униформе.

– Hello, room-service. Do you need something?

– Что, простите? – забуксовала Инка, срочно претряхивая в мозгах свой английский, который от неожиданности вылетел оттуда напрочь.

– О, рашн? – с чего-то вдруг замаслился брюнет. – Ты –

окей?

– Простите? – опять не поняла Инка. Что за слесарь-сантехник, и что ему нужно?

– Я пройти-смотреть, – сообщил брюнет.

– Пожалуйста, – отступила Инка.

Брюнет вошёл, заглянул в ванную, покрутил краны, пощёлкал выключателем. В комнате тоже пощёлкал, потом взял пульт с тумбочки:

– Так делай, – и понажимал кнопки, отчего кондиционер сбавил обороты.

– Спасибо, – кивнула Инка, на всякий случай вежливо улыбаясь. Чем-то этот служащий был ей неприятен, но раз надо человеку проверить, в порядке ли номер, не выставлять же его за дверь.

– Другой желать? – спросил брюнет и покачал матрас на кровати.

– Спасибо, больше ничего не надо, – отошла к стене Инка. Станный он какой-то, этот слесарь-сантехник. Он что, собрался прямо сейчас кровать починять?

– До свиданя, – наконец сообразил брюнет и вышел, чуть не задев её плечом и оставив в комнате какую-то тягостную недосказанность. «Учи английский, двоечница, – попеняла себе Инка. – Сейчас бы живо объяснилась с этим сантехником, а так только киваешь, да улыбаешься, как debilka!».

Тем не менее, странный сантехник отвлек её от мыслей о Николае Евгеньевиче. Инка глянула на часы – настало вре-

мя ужина – и принялась переодеваться. На ужин она решила пойти в платье без рукавов, накинув – вечер всё-таки – свой любимый палантин.

Про план-схему отеля она позабыла, и поэтому ресторан отыскала после некоторых расспросов. Иностранцы, на которых она наткнулась по дороге (вначале – на парочку французов, затем – на пожилого немца) хоть и не говорили по-русски, слово «ресторан» поняли и махнули в нужном направлении. Инка пошла, куда махнули, прошла мимо ещё одного бассейна, на этот раз – круглого и не такого большого, и вскоре вышла к очередному дворцу, не менее роскошному и огромному, чем дворец-ресепшн.

Внутри ресторан тоже впечатлял. Потолок высотой в два этажа венчался стеклянным куполом. Второй этаж присутствовал частично, в виде круглой галереи по окружности зала. Сам зал казался просторным, несмотря на расставленные столики и сновавших между ними людей. В центре зала возвышалась горка с фруктами и десертами.

«Ого!» – подивилась Инка, обходя по кругу это изобилие: жёлтые и красные яблоки с восковым блеском тугих бочков, крупные персики с розоватыми штрихами на мохнатой шкурке, виноград трёх видов, что-то вроде фиников, но не сморщенных и коричневых, а гладких и тёмно-вишнёвых. «Может, это и есть финики в свежем, не завяленном виде? Такими они и растут на своих пальмах?», – Инка взяла диковину, надкусила. Мякоть на вкус и цвет была похожа на

помесь яблока с огурцом, а косточка – точно как у финика.

А пирамида всё не иссякала изобилием: пошли блюда с грушами и гранатами, за ними – роскошнейшие торты с фруктами и холмами взбитых сливок, уже разрезанные на куски. Здесь же обнаружили и напитки, булькающие в прозрачных квадратных ёмкостях. Нечто оранжевое вроде сегодняшнего «оранж джуса», нечто мутно-желтоватое и тёмная жидкость гранатового цвета, которую Инка и нацедила в стакан. Жидкость оказалась кисло-сладкой, очень приятной на вкус. «Так, с фруктами понятно, а как насчёт еды посущественнее?»

Еда посущественнее нашлась чуть дальше по ходу. Слева у стены тянулся прилавок, уставленный тазами – по крайней мере, Инка так назвала для себя длинную никелированную стойку, уставленную хромированными ёмкостями – с закусками. Глаза разбегались от разнообразия, но Инка, будто бы уже глазами и наевшись, взяла пару ломтиков рыбы и тушеных баклажанов.

– Эй, девушка, а почему так скромно? – спросили за спиной, Инка обернулась. Позади неё какая-то толстуха в свободном платье венчала маринованным огурчиком курган из еды в своей тарелке. При взгляде на неё Инке вспомнилась миссис Ключдия из диснеевского мультика про Мак Дакка: круглое приплюснутое лицо, круглые слегка на выкате глаза, маленький носик, а под ним – широкий рот с губами, вытянутыми вперёд и сложенными на манер утиного клюва.

– Ой, простите! Обозналась, приняла вас за даму из нашей компании! – сказала толстуха. – Со спины похоже, у неё такой же палантин!

– Вряд ли такой же, – улыбнулась Инка. – Это батик, авторская работа.

– Да, теперь вижу. Но у неё он тоже такой воздушный и розовый с серым, я и попутала. А что же вы так мало еды берёте? За всё же уже уплачено, кушайте!

– Спасибо, мне достаточно, – разглядывала «миссис Ключвию» Инка. Причёска у толстухи была странной, не вязавшейся с щекастым лицом: обесцвеченный до белизны ёжик волос, открывающий лоб и сверху перехваченный крупными солнечными очками, сдвинутыми на макушку. Погода тут, что ли, так людей располагает? То Митяй с ней по-свойски заговорил, теперь эта вот чревоугодница.

– А я тоже, вроде, не очень голодная, – толстуха сделала приглашающий жест, и Инка пошла к столику следом за ней. – Но когда вижу столько классной еды, не могу удержаться, чтобы всё не попробовать. Меня, кстати, Лана зовут.

– А я – Инна.

– Слушай, а ты давно приехала? – спросила Лана, переходя на «ты» и поддевая кусок мяса. Курган на тарелке дрогнул, но устоял.

– Сегодня.

– Ты одна, что ли?

– Пока одна, а завтра мой... жених должен приехать, –

споткнулась Инка о непривычное применительно к Николаю Евгеньевичу слово.

– Так ты сюда со своим самоваром! А я вот – в секс-туре.

– В секс-туре? Это как? – заморгала Инка.

– Ну, за сексом приехала. Здесь нас таких уже пятеро. Понятное дело, я про русских баб говорю, англичанок всяких и немок не считаю, как и с кем они кувыркаются, не знаю!

– А про наших – знаешь?

Разговор был настолько абсурдным, что Инка развеселилась.

– А то! Мы с девчонками впечатлениями обмениваемся, чтобы знать, с кем из местных крутить, а с кем – погодить. Здешние мужики – сказка. Любая баба для них – королева, а не прачка-кухарка, как для наших охломонов. Я уже второе лето сюда приезжаю, сексотерапию себе устраиваю! Ты обратила внимание на парнишку, который сегодня полотенца выдавал?

Инка мотнула головой, а Лана шумно сглотнула, то ли прожевав, то ли вспомнив:

– Это Селим, чудо что за мальчик. Ласковый, как телёнок, кожа просто шёлковая! Фарух ещё хороший мальчик, он бассейны чистит, я тебе его потом покажу.

– Спасибо, Лана, вряд ли мне потребуется, – отказалась Инка. Ей было дико слышать, как эта толстуха, заглатывая еду с тарелки, перебирает местных мужчин, словно закуски на шведском столе. – И вообще я как-то не очень пони-

маю, как можно предаваться... э... утехам, когда здесь семьи с детьми отдыхают.

– Да и пусть себе отдыхают! – Лана подцепила очередной кусок с тарелки, окончательно превращая курган в руины. – Они мне не мешают, я им – тоже. Мало ли чем я в своём номере занимаюсь, это моё личное дело!

– Слушай, мне сегодня в номер какой-то служащий приходил, – вспомнила Инка. – Вёл себя странно. Свет включал, кровать трогал...

– Среднего роста, плотненький, с усами, в малиново-зелёной униформе? – довольно точно обрисовала давешнего брюнета Лана, Инка кивнула. – Так это Керим, местный секс-гигант. Я с ним ещё не пробовала, а нашим девкам кому нравится, кому – нет. Наглый, говорят, слишком, прям как наши мужики. Это он, наверное, увидел, что ты одна и пришёл себя показывать... Да, кстати, ты учти на будущее: явится такой, – гони немедленно. Тут персонал при постояльцах в номер без вызова не заходит. Им запрещено. Слушай, мне пирожного хочется. Тебе принести?

– Пирожного не надо, грушу принеси, пожалуйста, – попросила Инка, и Лана ушла к горке с десертами. Инка понаблюдала, как та замерла над тортами, выбирая, и вдруг испытала приступ гадливости. «Блин, как-то противно всё это – секс-тур, мальчишки по выбору, сантехники по вызову, обмен впечатлениями... Скотство. И обжорство такое – скотство!» Ей вдруг остро захотелось на воздух, подальше от это-

го скотского пиршества, и она ушла, не дожидаясь возвращения новой знакомой.

На улице совсем стемнело, зажглось освещение, и ночная территория по-прежнему походила на сказку, но уже на другую. Фонари над входами в коттеджи, пунктир круглых лампочек по кромкам бассейнов, веера пальм, перламутровые от подсветки, стволы, похожие на серые колонны – страна чудес, да и только! Сверху что-то упало Инке на голову и отскочило к ногам. Она нагнулась поднять – финик! Настоящий, вяленый, привычный. Инка съела неожиданное угощение и решила сходить к морю.

Территория отеля тянулась долго – она шла минут пятнадцать, прежде чем вышла на пляж, миновав ещё три бассейна, спуск, разделявший территорию на два уровня, рыбный ресторан у самого пляжа. Ресторан, несколько столиков под навесом, плотно занятых людьми, был залит светом. На границе пляжа горели низкие фонарики, а дальше начиналась темнота, после света почти непроглядная.

Инка перешагнула фонарики и пошла подальше от ресторана. Вскоре глаза привыкли и стали различать детали: линию берега, силуэты зонтиков, лежаки, составленные кучей. Добавлял подсветки и месяц, уже выбравшийся на небо и властно уютившийся кверху рогами среди крупных мохнатых звёзд.

– Мамочки мои, как красиво! – пошептала Инка, взяла один из лежаков, и поставила его поудобнее. Села и стала

смотреть на звёзды.

Они горели золотом на чёрном бархате, слегка мерцая в непривычных глазу созвездиях. Море, хотя и мелкое, по щиколотку, шумело волной, как настоящее. И вскоре это всё – шум волн, свет звёзд, чернота неба, серпик рогатого месяца – стало сливаться для неё в красивую и торжественную мелодию, песнь вселенной...

Она даже звуки флейты услышала, и эти звуки даже стали приобретать какую-то форму... Но тут в мелодию ворвался шорох песка под чьими-то ногами, и Инка очнулась. По пляжу шёл мужчина. Увидев её, замедлил шаги и подошёл:

– Бонжюр!

– Добрый вечер.

Мужчина быстро заговорил по-французски. Инка помотала головой, опять коря себя за незнание языков и на всякий случай улыбаясь:

– Я вас не понимаю.

Тот кивнул, сел рядом с ней на лежак и опять заговорил. На этот раз Инка для разнообразия кивнула и повторила:

– Простите, но я не говорю по-французски.

Мужчина простил. Он схватил её за руку и крепко стиснул, а потом опять заговорил что-то, прижимая Инкину руку к своей футболке возле сердца. И тут Инка испугалась. Темнота, пустынный пляж и этот неизвестно кто, который возник неоткуда и, похоже, распалился не на шутку. Вон как курчавой башкой трясёт, усы топорщит! «Мамочки, – мельк-

нуло панически, – не хватало ещё, чтобы меня прямо тут изнасиловали!» И она заорала, вырываясь, разом забыв и про деликатность, и про незнание языков:

– Да что ты ко мне привязался, козёл паршивый! Русским языком тебе говорю: не понимаю я тебя! Блин, так хорошо сидела, на звёзды смотрела! Явился, звали тебя! Отвали, урод, кому говорю!

Но незванный ловелас от её крика пришёл в такой экстаз, что схватил Инку за плечи с явным намерением целоваться.

Егор наблюдал за этой женщиной с четверть часа. Она вышла на пляж из-за ресторана, вытащила лежак из кучи остальных, села лицом к морю и сидела почти без движения, запрокинув голову к небу. «Ждёт кого-то? Или просто так сидит, смотрит на звёзды?» – подумал он лениво. Сам Егор смотрел на звёзды и усталость, наваливающаяся обычно к концу дня, уходила, утекала куда-то в сторону Южного креста. Тридцати минут одиночества на ночном пляже ему обычно хватало на передышку, после которой можно было работать дальше и весь оставшийся вечер продолжать тормозить и развлекать постояльцев отеля. Это стало ритуалом, и даже сегодня, в выходной, наплававшись за день с Люсьен, он пришёл сюда за покоем. Разглядеть лица женщины Егор не успел в полумраке, да, в общем-то, не очень и пытался. Осталось ощущение, что не старуха – походка, когда она прошла мимо, не заметив его за баррикадой лежаков, была лёгкой. И теперь дама сидела в двадцати шагах от него, глаза-

ла на звёзды, кутаясь в какую-то шаль и абсолютно не нарушая покоя этого места. Незнакомка в ночи под звёздным небом выглядела так романтично, что Егору вскоре даже почувдилось, что в воздухе зарождается торжественная, красивая мелодия.

Когда по пляжу со стороны соседнего отеля к ней подошёл Мишель, Егору стало досадно. «Всё-таки, ждала!» – подумал он, поморщившись от того, что становится невольным свидетелем свидания этого Казановы с женщиной, которой Егор уже успел, придумать романтический образ. Незнакомка в ночи под звёздным небом, торжественная мелодия... А всё, как всегда, гораздо прозаичнее: дамочка положила глаз на Мишеля, видимо, днём брала у него уроки дайвинга. Ну и сговорились ребята насчёт других погружений. «Ох, как бы отползти поделикатнее, чтобы не помешать?»

Он стал прикидывать путь отползания из нагромождения лежаков, краем уха слушая, как Мишель тараторит про романтическую встречу и не будет ли мадемуазель возражать, если он присядет рядом. Мадмуазель что-то пробормотала, по-видимому, не возражая, потому что Мишель уселся рядом и затараторил про красоту глаз, сравнимую с красотой звёзд, которые в них отражаются, и про нежность кожи, сравнимой с нежностью ветерка, который их сейчас обвевает. «Вот ведь, поэт! – усмехнулся Егор, – Хоть записывай за ним. Но что-то мадемуазель ведёт себя неадекватно». Мадемуазель же стала вырываться из рук пылкого француза, а за-

тем заорала на чистом русском языке:

– Да что ты ко мне привязался, козёл паршивый! Русским языком тебе говорю: не понимаю я тебя! Блин, так хорошо сидела, на звёзды смотрела! Явился, звали тебя! Отвали, урод, кому говорю!

«Вот тебе и глаза-звёзды!» – Егор чуть не заржал в голос. Мишель же, видимо, распалившись не на шутку, её словно и не слышал. Егор понял, что пора вмешаться и встал во весь рост, загремев лежаками:

– Мишель, прекрати, – сказал он по-французски. – Ты же видишь, мадемуазель не настроена на романтические отношения.

Француз отпрянул от девушки и закрутил головой.

– А, Жорж, это ты. Ты ведёшь себя не по-мужски, подкрадываясь в темноте и срывая мне свидание!

– Прости, что помешал, но я услышал, что мадемуазель тебя прогоняет.

– Мамочки мои, теперь их двое! – воскликнула мадемуазель, вскочила с лежака и отбежала к морю. По голосу в котором звенели панические ноты, Егор понял, что она молодая и явно не искательница пляжных романтических приключений.

– Девушка, не бойтесь, это какое-то недоразумение, – крикнул Егор ей по-русски. А по-французски сказал Мишелю: – Извинись немедленно, если не хочешь скандала. Она напугана.

– Пардон, мадемуазель, – француз прижал руки к сердцу, – я не хотел вас пугать. Я всего лишь хотел скрасить ваше одиночество!

– Что он говорит? – спросила девушка у Егора.

– Просит прощения. Не сердитесь на этого дурака. Он решил, что вы ищете романтических приключений. Тем более, вы не возражали, когда он попросил разрешения присесть рядом.

– Да я не говорю по-французски! Как я могу возразить! – вдруг рассвирепела девушка, махнув своей шалью, как птица крыльями. – Боже мой, что за вертеп! Куда я вообще попала! Невозможно к пляжу выйти – тут же какие-то мужики набрасываются! Вы тут что, все поголовно сексуально озабоченные?

– Не все, честное слово, не все, – Егор старался говорить спокойно, по голосу девушки было слышно, что она вот-вот расплачется. – Хотите, я провожу вас в номер? Или на концертную площадку, там шоу начинается.

– Хватит мне на сегодня шоу, – девушка зябко завернулась в свою шаль. – Проводите меня к ресторану, а то я заблужусь с непривычки. А оттуда я дорогу помню.

Она прошла мимо пустого лежака – Мишель уже успел ретироваться – и молча пошла дальше, и Егор пошёл рядом, подлаживая под неё шаг.

– Вы извините, что так вышло, – сказал он, помолчав немного. – Просто здесь одинокая женщина сразу расцени-

вается как искательница романтических приключений.

– Как же я ненавижу этот ваш мужской шовинизм, – его спутница плотнее закуталась в свою тряпку, и Егор при свете фонарей увидел, что это что-то вроде полупрозрачного нежного и красивого широкого шарфа. – Если мужчина один на пляже – это нормально. А если женщина – значит, ищет себе приключений.

– Ну, просто одинокие женщины именно так чаще всего себя и ведут, в смысле, ищут знакомства. Вот Мишель и попытался... э...предугадать ваше желание.

– Желание у меня было одно – посмотреть на звёзды, – устало сказала девушка. – И я не одинокая. Завтра приезжает мой жених. Понятно?

– Понятно, конечно. Извините ещё раз. И если какие проблемы – обращайтесь. Меня Егор зовут, я старший аниматор. Меня днём можно найти возле круглого бассейна.

– Хорошо, Егор. Спасибо. Дальше я пойду сама.

Девушка ушла, почти сразу скрывшись за светом фонарей. А Егор весь вечер, пока смотрел шоу заезжих гастролёров – у его аниматоров был выходной, и эти ребятки, так себе самодеятельность, заполняли паузу – не мог избавиться от тягучей вины. Как будто он должен был не просто защитить эту девушку от сластолюбца Мишеля, но и не позволить ему спугнуть ту мелодию. Теперь он был уверен, что мелодия, слышавшаяся ему на пляже, действительно звучала. Почти.

Глава 4

«Бог ты мой, что за день такой сложился! Спать, скорее спать, чтобы наступило завтра, и приехал Николай Евгеньевич, и я перестала быть одинокой женщиной, добычей для местных секс-гигантов!» Инка стояла под душем, и хотя распылитель поливал её горячими тугими струйками, тело всё равно сотрясало от озноба. Её тошнило, страх и ужас от только что пережитого на пляже, от ситуации, чем-то схожей с уже бывшим в её жизни – сейчас завалят и отымеют, ничего не слыша и не видя, кроме собственной похоти – выходили мелкой дрожью. Её трясло так, что даже зубы постукивали. Самым ужасным было то, что она очень явственно ощутила желание этого приبلудного француза и никак, никак не могла ему растолковать, что он ей неприятен

Инка яростно растиралась поролоновой гостиничной губкой, словно хотела содрать с себя этот странный, невозможный, тяжёлый день: сначала утренний звонок Николая Евгеньевича, потом этот парень, как там его, вручивший ей документы и билеты и посадивший на электричку до аэропорта, потом первый в её жизни таможенный контроль со строгими и не улыбочивыми людьми в форме. Потом перелёт, толкотня в аэропорту Хургады, неразбериха с марками, которые надо было покупать и клеить в паспорт – это и называлось визой. И вот в отеле она вроде бы расслабилась, даже волноваться

перестала – и, пожалуйста, рано успокоилась, чуть не оты-
мели.

От растираний и горячей воды кожа стала красной, и Инка, наконец, перестала трястись. Она вылезла из ванны, ещё раз проверила запоры на балконной и входной дверях и юркнула под одеяло ближайшей кровати. «Николай Евгеньевич придет, захочет, наверное, кровати сдвинуть», – подумала она, зевая, и вскоре стала проваливаться в дрёму. И тут почувствовала, что кто-то ползёт по животу. Инка хлопнула по животу рукой, моментально проснувшись, и включила свет – посмотреть. В пальцах скорчился крупный придавленный коричневый муравей. Она вылезла из кровати и откинула одеяло. По простыне путешествовала ещё парочка. «Что за напасть!» – Инка стряхнула муравьёв на пол, перетрясла постель и опять забралась под одеяло. Полежав спокойно с четверть часа, она почти уснула, как опять почувствовала, что по ней ползут. На этот раз – по бедру.

Инка вскочила на ноги и вновь подняла одеяло. На этот раз муравей был один, без приятелей. «Да что ж это они меня, на муравейнике поселили?» Инка задрала одеяло на другой кровати – чистая постель, без насекомых. И завалилась спать туда. В третий раз щекотание по голени она почувствовала уже сквозь сон. «Ну что же делать, а? – Инка села на кровати, выкидывая прихлопнутого муравья. – Как спать на муравейнике? Вдруг в ухо ночью залезут? Бывали же случаи... Может, в диване муравьи не живут?» Она перетасила

простынь с одеялом на диван, легла – было слишком мягко и не очень удобно.

В четвёртый раз муравьи добрались до неё – и взобрались – уже под утро. Поймав на ноге очередного щекотавшего её коричневого нахала, Инка проснулась и поняла, что больше не уснёт. Часы показывали пять утра, и она решила опять сходить к морю, рассудив, что здесь муравьи спать всё равно не дадут, а там, в такую-то рань, ей вряд ли кто встретится.

Она угадала – в начале шестого утра территория отеля была почти безлюдной. Инке только пару раз попались служащие в оранжевых униформах, наводившие чистоту возле бассейнов. Пляж тоже был чистым и абсолютно пустым, лишь лежаки грудились возле пляжных зонтиков забавного вида. Инка остановилась, разглядывая: соломенные плоские шляпы нахлобучены примерно на четверть высоты палок, отчего середина вспучилась высоким шпилем и зонтики получились устремлёнными к небу, как маленькие ракеты. Вот-вот взлетят!

Инка прошла через этот «космодром» к морю, поближе к воде. Дно, плоское и как будто цементное, действительно, близко просвечивало сквозь прозрачную воду. Инка разулась и осторожно вошла, проверяя глубину. Ну, не по щиколотку, конечно. Чуть выше колена.

Справа от неё слегка покачивался на волнах понтон: синя-белая дорожка, проложенная поверх воды, вела далеко от берега и где-то там, вдалеке, заканчивалась едва видной ши-

рокой площадкой. «Наверное, это мост на глубину», – решила Инка и пошла исследовать глубины.

До площадки, держась за верёвочные перильца качающегося понтона, пришлось топтать довольно долго, не меньше четверти часа. И всё это время море, всё также показывая близкое ровное «цементное» дно, оставалось мелким. Наконец, Инка ступила на самую площадку, дошла до края, заглянула... Тут дно тоже было видно, правда, на гораздо большей глубине. И теперь оно было не ровным, а в каких-то гребнях, острых даже на вид. «Да, похоже, тут надо купаться в обуви, – хмыкнула Инка и посмотрела на свои сабо. – Нет, не в такой. Тапочки нужно было брать резиновые, вот что! Ладно, хотя бы посижу». Она села на край понтона, опустив босые ноги в тёплую морскую воду. Площадка плавно покачивалась на волнах, с моря тянуло приятным прохладным ветром, и очень скоро Инку охватило такое умиротворение, словно никаких забот в её жизни не было, нет, и не будет. «Хорошо-то как, господи!» – она откинулась на спину и теперь покачивалась вместе с волнами и глядела в небо, пока ещё пепельное. Потом небо стало голубеть, Инка спохватилась, что не знает, сколько прошло времени. И начала собираться обратно.

Обратно она возвращалась навстречу восходу. Ей было немного странно, что солнце встаёт не над морем, как это обычно рисуется на картинах, а над берегом. И небо в той стороне всё ещё сохраняет пепельно-розовый оттенок.

Прогулка получилась довольно долгой. И теперь, возвращаясь в номер, Инка была уже не единственной ранней пташкой: кое-кто из отдыхающих стал попадаться на пляже. Какая-то молодая женщина купала малыша, войдя с ним в море. Ему, голому карапузу в панамке, хватало глубины как раз по грудь. С берега за ними наблюдал мужчина в спортивном костюме: разминался и поглядывал, одновременно делая махи то правой, то левой ногой. Появился первый народ и у бассейнов, которых Инка, решив пересчитать, насчитала аж пять штук. Возле одного из бассейнов она остановилась, заинтересовавшись табличкой. На табличке был нарисован человек в плавках и с бутылкой в руке, перечёркнутый косым крестом. Рядом – надпись на пяти языках. Судя по русскому тексту, – запрещающая купаться в пьяном виде. Рядом, в столбик – ещё куча запретов: не нырять, быть осторожным на мокром бортике, не мусорить у бассейна, и... она не поверила своим глазам – не мочиться в воду. Инка стала отыскивать то же самое на других языках. По-английски – не нашла, других не знала, но заметила, что английский, итальянский, французский и немецкий тексты были короче ровно на один пункт. Инна заподозрила, что именно на этот. И тут её окликнули:

– Инна, с добрым утром!

Она оглянулась. У борта в шезлонге возлежало толстое тело в чёрно-желтом, осиной расцветки, купальнике и приветливо махало ей рукой. «Лана, вчерашняя знакомая из столо-

вой» – узнала Инка белёсый ёжик волос. И подошла.

– Привет.

– Что, тоже не спится? – Лана села, сдвинула очки на макушку и показала на место рядом с собой.

– Да вот, захотелось с утра к морю сходить. Только мелкое тут оно.

Инка огляделась, нашла свободный лежак и, подтянув его поближе к Лане, села.

– Да не то слово – лужа! – согласилась Лана и легла обратно. – Только в бассейне и купаюсь.

– Слушай, я тут увидела... Специально к русским туристам просьба не писать в бассейн. По-моему, к нам тут относятся как-то пристрастно!

– Да ладно, нормально относятся. Только если наши мужики, козлы, налакаются и в воду лезут, а потом расслабляются и вылезать не хотят, что с ними делать?

– Ну, зря ты так... Наверное, это больше к детям относится, они в воду сикают.

– Да хоть к кому! а записки эти – фигня, кто их читает. Они, я слышала, в воду какую-то химию добавляют, и если кто напустит – вокруг него вода зелёной становится. Умора, да? Сразу видно, кто нашкодил! Видно, вокруг наших вода то и дело зелёная, раз по-русски про «не ссать» написали!

– Фу, сразу расхотелось в воду лезть, – передёрнула плечами Инка. – Лучше уж в море, на мелководе.

– Ты лучше приходи по отливу рыбок посмотреть. Краси-

вые! Прямо как из аквариума, только большие.

– А когда отлив? – заинтересовалась Инка. Рыбок она пыталась увидеть в это утро, но ни одна не показалась, пока она бродила по понтону от берега и обратно.

– А после трёх и начнётся. Весь отель сбегается. Только ты босиком в воду не лезь – тут кораллы, порежешься. Слушай, а как тебе вчерашнее шоу? Правда, ребята – просто цыпочки!

– Я не была на шоу, спать ушла почти сразу после ужина, – сказала Инка и, подумав, добавила. – Я на пляж ходила вечером, на звёзды поглядеть. И ко мне какой-то хмырь привязался, еле отбилась.

– Да ну, правда что ли? – приподнялась на локте Лана. – Что за хмырь?

– Какой-то француз. Решил, видишь ли, что если я одна «на пляжу сижу», значит, на романтические знакомства напрашиваюсь. Такое настроение испортил, козёл!

– Слушай, Ин, как интересно. Француз... – мечтательно протянула Лана. – Француза у меня ещё не было. Говорят, любовники они – потрясающие. Слушай, а ведь это идея! Сижу, такая, смотрю на звёзды, а он подходит...

«Если решиться после вчерашнего, – хмыкнула Инка. – Впрочем, глядишь, в этот вечер повезёт. Обоим».

– А я так чудно время провела! – продолжала Лана. – Такой мальчик мне вчера попался! Так массаж классно делает! Такой ласковый!

– Лана, ты извини, но мне уже пора, – поднялась Инка, не желая слушать подробности про Ланины сексуальные эксперименты. – Я ещё душ хочу принять до завтрака. И вообще, голова что-то разболелась.

– Это от воздержания, – хмыкнула толстуха, но Инка уже не слушала, – спешила в номер.

Номер выглядел так, словно в нем ночевала развесёлая компания: обе кровати разворошены, ком одеяла на диване. Инка закинула постель обратно на кровать, решив позднее, после завтрака, всё-таки исследовать, откуда берутся муравьи. Может, у них гнездо где-нибудь под матрасом?

Завтрак был чуть менее изобильным, чем ужин, но тоже достаточно роскошным. По крайней мере, фруктов и десертов было не меньше, чем вчера, и Инка с удовольствием присовокупила к омлету апельсин, яблоко и пирожное со взбитыми сливками. Она ела медленно, приглядываясь к публике. Речь со всех сторон доносилась разноязыкая – итальянская, французская, английская, немецкая. Но всё-таки преимущественно – русская. И весь народ держался парами-тройками. А таких, как она, одиночек, что-то не наблюдалось. Инка неторопливо снимала ложечкой взбитые сливки с бисквита, и вдруг очень остро почувствовала своё одиночество. Сидит тут одна, за тридевять земель от дома, в отеле с каким-то странным отношением к одиноким женщинам, пирожное трескает. Скорее бы уже Николай Евгеньевич прилетал, с ним как-то спокойнее. По крайней мере, он таких

отелей сотни две на своём веку перебрал, сам рассказывал. И с ним жизнь вернётся в более-менее привычную колею, а желанный отпуск у моря перестанет напоминать какие-то сомнительные похождения.

Из ресторана Инка ушла одна из последних, перед закрытием. Подумала было сбегать на ресепшн, покараулить – а вдруг Николай Евгеньевич вот-вот придет! Но решила не глупить: даже если он вылетел утренним рейсом, в Хургаду прибудет не раньше двенадцати, да пока таможду пройдёт и до отеля доберётся – час уже будет. Не сидеть же ей, как сироте или собачонке какой, у порога, минуты считать! Лучше найти какое-нибудь занятие, чтобы время быстрее летело.

Занятия предлагались тут же, целым списком на стенде у ресторана: аква-аэробика, танец живота, теннис, водное поло, ручная роспись кружек и тарелок. Последнее её заинтересовало, – Инка с весны пристрастилась разрисовывать акриловыми красками литровые банки. Вернее, не совсем банки, а вазы, которые она из них делала. Была у неё своя технология: пластиковая бутылка плавится, тёплая масса быстро, пока не остыла, лепится фигурным краем на горлышко банки. Потом эта конструкция разрисовывается и получается нечто вполне приличное. Инка такими вазами одарила и всех своих подружек, и бабулиных. Те ахали – авторская работа, Инка радостно смущалась, а бабуля оставалась довольной, что «дёшево и сердито». Занятия с красками начинались через двадцать минут, и Инка отправилась искать пави-

льон, отмеченный на стенде крестиком.

Павильон оказался навесом, крышей на нескольких столбах, под которой разместились столы с посудой и баночками с краской. Разрисовывать посуду собрались в основном подростки, хотя было и несколько взрослых женщин. Аниматор, приятная девушка в белой бейсболке с названием отеля и голубой футболке с белым цветком по центру груди, предложила всем выбрать по посудине. Инка облюбовала девственно белую плоскую тарелку из толстого фаянса. Потом девушка показала, где брать кисти, куда их макать и как наносить рисунок. Рисунки она показывала простейшие: волнистые линии, горохи, спирали, четырёхлепесковые цветочки, остренькие листочки. Народ старательно копировал их на свои посудины.

«Нет, цветочки с листочками слишком примитивно, – думала Инка, наблюдая, как пацан лет десяти так старательно выводит синие загогулины по краю своей тарелки, что даже язык вывалил на сторону и прикусил. – Надо что-нибудь поинтереснее!» И она, подумав, взяла кисти, придвинулась поближе к нужным баночкам, и вскоре на её тарелке заплескались волны, завывпрыгивали из воды пока не виданные, но уже воображённые рыбы. А над этим действием весело сияло жёлтое солнце, хитро прищурившее один глаз.

– Ух ты, класс! Тёть, а вы художница, да? – старательный мальчишка уже закончил свои загогулины и теперь восторженно глазел на Инкин экспромт.

– Нет, мальчик, – улыбнулась Инка. – Просто я немножко умею рисовать такими красками.

– Класс! А вы можете на моей тарелке нарисовать дельфина и написать «Привет с Красного моря?»

– Не знаю, я не уверена насчёт дельфина, – рассмеялась Инка. – И потом, разве они живут в Красном море?

– Они в любом живут, – авторитетно заявил мальчишка.

– Да? Но я всё равно вряд ли смогу нарисовать дельфина.

– А написать сможете? – мальчишка показал ей на свою тарелку, на дне которой красовалась синяя надпись: «Превед с Краснова моря». – А то я ошибок наделал...

– Давай сюда твои ошибки, – решила Инка, явственно увидев, как спасти положение. Она несколькими широкими мазками «утопила» буквы в синих волнах, а оставшуюся торчать на поверхности заглавную «П» превратила в кораблик с парусом. Сверху нарисовала заливчатскую спираль солнца. А «Привет с Красного моря» пустила дугой сверху, по ободку.

– Ух ты, здорово! – расцвёл мальчишка. – Спасибо, тётя. Мам, смотри, что мы вместе с тётёй нарисовали!

Он кинулся показывать к одной из женщин, вокруг сгрудились ещё зрители, и Инка, чувствуя себя неловко от того, что вот-вот все начнут обращать на неё внимание, потихоньку сбежала из-под навеса.

– Неужели у вас так плохо получилось рисовать, что вы потихоньку сбегаете? – спросили её, и Инка обернулась. Вы-

сокий парень в такой же, как у девушки-художницы, синей футболке с цветком и белой бейсболке с названием отеля, смотрел на неё с улыбкой, как на хорошую знакомую. Инка пригляделась...

– Здравствуйте. Это вы меня вчера с пляжа провожали?

– Я. Как спалось на новом месте?

– Знаете, плохо. По мне всю ночь ползали муравьи!

– С ними это случается, особенно если вас на первом этаже поселили, – кивнул парень. – Пойдите на ресепшн, пожалуйста, они, пока вы гуляете, обработку в номере проведут.

– Хорошо, – кивнула Инка. – Меня, кстати, Инной зовут.

А вы... Егор, да?

– Егор.

На ресепшн было людно – одна партия отдыхающих собиралась уезжать, вторая приехала и собиралась размещаться. Впрочем, просторный дворцовый холл без проблем растворял в себе эту людскую массу, которая лишь у стойки администраторов создавала некоторую толчею. За одним из столиков в холле Инка увидела своих вчерашних случайных знакомых: шкафообразного Митяя, его монументальную жену и странно худенького при таких родителях мальчика. Судя по трём внушительным сумкам у ног, они собирались уезжать. А Инка, поняв, что у ресепшн толкуются вновь прибывшие, и услышав, что говорят они по-русски, прибавила шагу: а вдруг?

Но «вдруг» не случился – Николая Евгеньевича среди

этих людей не было.

– Чем могу помочь? – улыбнулась ей девушка-администратор.

– Понимаете, у меня муравьи в комнате, всю ночь по мне ползали, спать мешали...

– Номер? – с пониманием кивнула девушка и приготовилась записывать. Инка назвала, а потом спросила:

– А вы не знаете, рейсы из Москвы сегодня будут?

– Вот эта группа с московского чартера, – показала рукой администратор, отвлѣкшись от клавиш компьютера.

– Здесь его нет... Понимаете, я...э... жениха жду. Он задержался, должен сегодня прилететь. И я не знаю, когда его встретить.

– Так позвоните!

– У меня мобильный здесь не принимает...

– Позвоните из номера. Правда, это дороговато, но если что-то очень срочное, связаться можно. Выход на Россию через плюс семь!

– Спасибо, – понуро кивнула Инка, а девушка, рассмотрев что-то на мониторе, спросила:

– Да, кстати, вы в курсе, что ваш номер без предоплаты идёт?

– Простите? – не поняла Инка.

– Ваш номер должен быть оплачен по убытию. Обычно здесь в отелях другая практика, турагентства всё вносят заранее. А вы, похоже, сами места бронировали, без посред-

ников.

– Я не знаю... Это Николай Евгеньевич всё оформлял...
– растерялась Инка.

– Ваш жених? Хорошо, когда он прилетит, я ему напомню, – улыбнулась администратор. Инке в её голосе послышалось какое-то сомнение, и она сказала, убеждая то ли её, то ли своё сжавшееся в тревоге сердце:

– Конечно-конечно. Он придет сегодня вечером, и сразу всё решит! Скажите, а сколько стоит наш номер?

– Сто долларов сутки. Сутки считаются от полудня до полудня.

– То есть сейчас, – взглянула Инка на часы, – пошли вторые сутки?

– Совершенно верно. Я оставила вашу заявку, через полчаса к вам придут выводить муравьёв.

Девушка занялась кем-то из прибывших туристов, а Инка отошла к свободному столику и опустилась в кресло на гнутых кованых ножках. Стол тоже стоял на кованых ножках. В сочетании с подушками кресла, гобеленовыми в бледный цвет, и светлым деревом столешницы чёрный металл выглядел очень стильно. Но Инке было не до стиля. Она справлялась с захлестнувшей её паникой. Дело приобретало препоганый оборот. Если Николай Евгеньевич не прилетит, плату за отель потребуют с неё. А ей платить нечем. Девять дней, восемь ночей, минимум восемьсот долларов. А у неё есть только триста, все её накопления на несостоявшийся Париж,

которые она взяла с собой на всякий случай. «Блин, на всякий, но ведь не на такой! И что мне делать, если Николай Евгеньевич не появится? Ну, за три дня я заплачу. А дальше? Где жить ещё пять дней, без денег? В аэропорту бомжевать, дожидаясь обратного рейса? Или может, прямо сейчас обменять билет и вернуться домой?»

– Девушка, а можно вопрос? – Инка опять подошла к приветливой администраторше. – Скажите, а могу я с вашей помощью обменять обратный билет на более близкую дату?

– В принципе, можете, – кивнула та. – Только если вы летите обычным рейсом. А если чартером, то такие билеты не меняют.

– Спасибо, – помрачнела Инка. Получалось, что если Николай Евгеньевич не приедет, выход у неё один – завтра же выметаться из отеля, отдав двести долларов, а на остальные сто как-то жить неделю до вылета. «Ладно-ладно, не паникуй! – приказала себе Инка. – В конце-концов, ничего ещё не случилось. Он обязательно приедет, и вечером мы вместе посмеёмся над этими страхами».

Она действительно попыталась дозвониться ему из номера, но ничего у неё не получалось – трубка передавала отдалённые шорохи, номер не соединялся. И страх не ушёл, сидел занозой и отравлял отдых, который теперь точно превратился то ли во времяубивание до прибытия Николая Евгеньевича, то ли в медленную дорогу к краху, с которым ей придётся разбираться в случае, если он не прилетит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.